

Книга времени

ПУСТЫЕ АИСТЫ

психологический триллер

Юай Чоксахват

18+

Юай Чоксахват

Пустые аисты

<https://litres.ru/74396214>

SelfPub; 2026

Аннотация

В палате детской больницы в Марселе физиотерапевт Софиан Беннеджан знает, как успокоить ребёнка одним прикосновением. Матери доверяют ему. Коллеги уважают. Никто не смотрит дважды.

На стене пустой комнаты — бумажный аист, чуть кривой. Аист был там. Аист ушёл.

Следователь Дюваль собирает досье по пропавшим детям. В Таиланде, в приморском клубе с вывеской «Сильные тела. Надёжные руки», майор Чайяпонг видит ту же схему: идеальная семья, идеальный фасад, и дети, которые исчезают без крика.

«Пустые аисты» — холодный психологический триллер о человеке, который делает всё правильно, и о расследовании, которое идёт через бумаги, протоколы и тишину. Ужас здесь не в крови — в заботе, в терпении, в пустой детской комнате, которую кто-то приготовил заранее.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА I	9
ГЛАВА II	19
ГЛАВА III	26
ГЛАВА IV	33
ГЛАВА V	43
ГЛАВА VI	55
ГЛАВА VII	67
ГЛАВА VIII	76
ГЛАВА IX	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Юай Чоксахват

Пустые аисты

Пустые аисты

Юай Чоксахват

Серия «Книга времени»

ПРОЛОГ

Бумажный аист

Комната была приготовлена для ребенка, и именно это его и погубило: не отсутствие, а забота. Маленькая кровать с белой простыней, заправленной под матрас. Ящик шкафа полуоткрыт, носки сложены в том порядке, в котором их складывает мама: один темный, один светлый, а третий, серый, отодвинут назад, потому что его не стирали. Картина на стене, детский рисунок дома с красной крышей, солнце в углу со всеми восемью лучами, трава — единственная зеленая линия, которая шла во всю ширину страницы и потом в конце оборвалась, как будто у руки, нарисовавшей ее, кончились краски.

Софиан стоял в дверях с бумагой в руке и не вошел. Он стоял так долго, дольше, чем нужно, и смотрел на комнату так, как человек смотрит на картину, за которую заплатил много денег и не уверен, что хочет ее повесить. В комнате не было ничего плохого. В этом-то и дело. Комната была идеальной комнатой, комнатой, которую хорошая мать сделала бы для хорошего ребенка, и она была прекрасна, и она была пуста, и он стоял в дверях с бумагой в руке и впервые за долгое время почувствовал, что почти готов.

Он вошел.

Бумага представляла собой небольшой квадратик, кусок белого картона, вроде тех, которые используют для заметок, которые приносят в палату на детский день. На изготовление аиста у него ушло три дня. Он сделал это на ночном столике своей квартиры в ранние часы, когда свет был цвета моря, а город внизу был тихим, и он сделал это медленно, так, как он все делал, как делала это его бабушка, с терпением человека, который знает, что вещь, которую он делает, - единственное, что будет иметь значение. Аист был слегка изогнут. Левое крыло было немного длиннее правого. Глаз представлял собой единственную точку, а клюв — тонкую линию, а ноги — две маленькие штрихи, идущие вниз и затем, в самом конце, свернувшиеся в петлю. Всего он сделал одиннадцать из них. Четверо в Марселе закончили, а семеро здесь завершат дело. Это был седьмой, и именно этот счет закрылся.

Он поднес бумагу к свету. Свет падал из окна, утренний свет, слишком теплый, чтобы ребенок мог спать в нем, и бумага была белой на свету, и аист на ее фоне казался немного темным, немного темным и немного кривым. Он посмотрел на него и подумал: *вот он*, и положил бумагу на стену, над маленькой кроватью, в тот угол, где ее касался свет, и отступил назад.

Аист был там. Аист был там, аист был там, и аист ушел. Вот и все, вот и все, и он стоял в комнате, смотрел на бумагу на стене и впервые за долгое время почувствовал, что он не один. Он очень долго был один. Он был один в Алжире, в

маленькой квартирке, с бабушкой, которая не обнимала, не плакала и не говорила «Я люблю тебя» за исключением дней поста. Он был один в Марселе, в квартире с белыми стенами и морем в окне. Он был один в палате, в палате с детьми, в палате, где он прикасался к ним, где он прижимал руки к их спинам, плечам и ребрам, где он знал с уверенностью человека, сделавшего всю работу, что он был последним, что он был последним, кто прикасался к ним, что он был последним, кто их видел, и что после его ухода они будут никем, они будут никем, они будут бумагой на стене, аист, аист, который был там, и аист, который ушел.

Он повернулся и вышел.

Дверь была тихой. В зале было тихо. В квартире напротив было тихо, и в квартире внизу было тихо, и на улице было тихо, и море было тихо, и город был тихим, и Софиан спустился по ступенькам и вышел на улицу, и утро было на нем, утро было на улице, утро было на людях, которые шли, на старике с хлебом, на женщине с мешком, на мужчине с собакой, и они не видели его, они не видели его, они не видели его, и он шел, и он не думал, он шел и не чувствовал, шел и впервые за долгое время был никем.

Он пошел в гавань.

Гавань была там, гавань всегда была там, гавань с лодками и кранами, и запах соли, рыбы и дизеля, и он стоял у перил, и смотрел на воду, и вода была цвета неба, и небо было цвета воды, и линия между ними была линией, и линия была

тонкой, и линия была, а линии не было, и Софиан стоял у перил, и он смотрел на воду, и он думал о бетоне, он думал о бетонном блоке, восемьдесят килограммов бетона, ребенок посреди него, ребенок, завернутый в мокрое полотенце, ребенок, который не просыпался, ребенок, который никогда не просыпался, и он думал о лодке, о длиннохвосте, о человеке, который отвез его туда, где вода была глубока, и он думал о бумаге, бумаге на стене, аисте, аисте, который был там, и аисте, который улетел.

Он пошел домой.

В квартире было тихо. Белые стены были тихими. Море за окном было тихо. Стол был тихим, стол с семью бумагами, семь аистов, семь аистов в ряд, и Софиан стоял у стола, и он смотрел на аистов, и он не брал их, он не брал их, он не брал их, и он стоял там долго, долго, долго, и свет проникал в окно, свет, который был цвета моря, свет, который был цвета утра, свет, который был цвета комнате, а Софиан стоял у стола и не плакал, не плакал, не плакал, и он впервые за долгое время был ничем, и аисты были там, а аисты ушли.

ГЛАВА I

Тимон Уорд

Мальчика звали Карим, и ему было семь лет, и рука у него была сломана, и он не боялся Софиана, и это было то, к чему Софиан постоянно возвращался, что дети не боялись его, что они приходили к нему, что они позволяли ему возлагать на них руки, что они позволяли ему прижимать большие пальцы к своей спине, что они позволяли ему поворачивать их, осматривать их и держать их, что они позволяли ему быть последним. Он сидел в маленькой комнате Госпитальера де ла Тимоне, в физиотерапевтическом кабинете с ковриком на полу, светом из окна и запахом антисептика, и держал мальчика за руку, и делал это осторожно, так, как его учили, как говорилось в книге, как говорила мать. Мальчик посмотрел на него и не заплакал, а Софиан держал его за руку, смотрел на мальчика и думал: *это тот самый*, и он имел в виду не руку, он имел в виду мальчика.

Ничего подобного не было, когда он попал в больницу одиннадцать лет назад, и это было во-вторых. Он пришел в больницу, потому что больница была местом, где находились дети, и где были дети, и где были дети, и он сдал экзамен, и он сдал его хорошо, потому что он хорошо в этом разбирался, потому что тело было телом, а тело не лгало, и кость была

костью, и установка кости была оправой, и рука, которая ее вставляла, была рукой, и рука должна была быть той рукой, которой ребенок доверял, и в этом вся суть, доверие, а доверие было основой. вещь, которой его никто не учил, доверие, которое ребенок оказал ему, не спрашивая, доверие, которое ребенок оказал ему в ту секунду, когда боль была болью, а рука была рукой, а рука была теплой. Его коллеги любили его, как людям нравится человек, который тихий и не спрашивает, и медсестры называли его «меся Беннежан», и матери говорили ему «спасибо», и дети приходили к нему, и дети оставались, и дети позволяли ему, и сдача была сдачей, а сдача была главное.

Это был октябрьский вторник, тот вторник, который создавал свет. Софиан пришел в шесть, надел белый халат, белые туфли и пошел в палату. Палата была палатой: кровати, дети, матери и медсестры, запах кофе, антисептика и пластика. Он улыбался медсестрам, матерям, детям, и они улыбались в ответ, а он сидел в физиотерапевтическом кабинете и ждал. Он пробыл в Тимоне одиннадцать лет. За одиннадцать лет он вправил больше детских костей, чем мог сосчитать, и никто ни разу не взглянул на него дважды. В этом была суть работы, работы, которая обеспечила ему безопасность, работы, которая поставила его руки туда, где им и место.

Софиан приехал в Марсель за морем, за работой и за тишиной, и эти три вещи пришли к нему одновременно, как они приходят к человеку, который не ищет их, который ищет

что-то другое, который ищет вещь, которая является дырой, дырой, которая является потребностью, потребностью, которая является потребностью, потребностью, которую он не может назвать. Море было морем, и море было там, и море будет там, и квартира была квартирой, и в квартире были белые стены, и окно, и свет, и свет был светом, и свет шел через окно, и был цвета моря, и цвет моря был цветом света, и линия между ними была тонкой, и линия была, а линии не было. Он родился в Алжире, в маленькой квартирке с бабушкой, которая не обнимала, не плакала и не говорила «Я люблю тебя» кроме как в дни поста, и бабушка научила его тому, чему учит бабушка, вещам, которые не являются тем, чему учат, аисту на бумаге, аисту, который был слегка изогнут, аисту, который был там, и аисту, который ушел, и он нес их, вещи, как человек несет вещи, как человек несет их, и не кладет их, и не отдает, и никому не дает, и вещи были его, и вещи были его, и вещи были его, и море было его, и тишина была его, и дети, дети были детьми, и дети пришли к нему, и дети пришли к нему, и дети пришли к нему.

Карим пришел в шесть сорок вместе со своей матерью. Она была высокой, уставшей, с сумкой на плече и сказала: *Добрый день, мсье Беннежан*, а Софиан сказал: *Добрый день, мадам*. Она села в кресло у окна, в кресло лицом к стене. Софиан подошел к мальчику. Мальчик посмотрел на него и сказал: *Мне очень жаль*, а Софиан сказал: *Это не твоя вина*. Мальчик сел на коврик. Софиан преклонил ко-

лени. Он положил руки на плечо мальчика, и мальчик не заплакал.

У мальчика в кармане была книга, маленькая книга, такая книга, которую мать держит для мальчика в больнице, и мальчик вынул ее, и мальчик открыл ее, и книга была книгой, и книга была рисунком, и рисунком был аист, и аист был аистом, а аист был детским аистом, аистом, которого рисует ребенок, аистом с длинными ногами, длинным клювом и крылом. Это не крыло, и Софиан посмотрел на книгу, и Софиан ничего не сказал, и Софиан положил руку на руку и посмотрел на мальчика, и мальчик посмотрел на него, и мальчик не плакал, и мать смотрела со стула, и мать ничего не говорила, и в комнате было тихо, и тишина была тишиной, и тишина была главным.

Рука была сломана в локте, кость развалилась на две части, которые находились в разных местах. Софиану пришлось положить их обратно на то же место, и он сделал это осторожно, так, как говорилось в книге, как говорила мать, как говорила медсестра. Мальчик посмотрел на него и не заплакал. Мать смотрела со стула и ничего не говорила. Софиан ничего не говорил. Свет лился из окна, слишком яркий и слишком теплый. Софиан держал его за руку и смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на него и не двигался. Руки Софиана были на мальчике. Руки были теплыми. В комнате было тихо. Софиан держал его.

Когда это было сделано, мать встала. Она сказала: *Спа-

сибо*. Софиан сказал: *Конечно*. Она взяла мальчика за руку. Мальчик посмотрел на Софиана и сказал: *Я вернусь*, и Софиан сказал: *Да*, а мать сказала: *До свидания*, и Софиан сказал: *До свидания*. Мальчик ушел, и мать пошла, и в комнате стало тихо. Софиан сидел на коврике и не двигался. Он видел, как мальчик доверял ему, как все тело мальчика ложилось в его руки, как ребенок садился в объятия человека, который не причинит ему вреда, и он знал в тишине палаты, что он сможет это сделать, что он сможет сделать это сегодня вечером, что мальчик не будет плакать, что мальчик не проснется, что мальчик уйдет к утру.

Он вымыл руки, как сказала медсестра, как сказано в книге, как сказано в больнице. Он вытер их, надел белый халат и пошел обратно в палату, и в палате было тихо, и свет гас, и море было в окне, и он не смотрел на постель мальчика, потому что мальчика не было в палате, мальчик был дома, мальчик спал, и мальчика не будет к утру.

Он пошел домой.

Квартира находилась на шестом этаже, в старой части Марсея, квартира с белыми стенами и морем в окне. Море было то же самое море, которое протекало мимо Старого Порта, то самое море, которое было там до него и будет там после него. Он снял белое пальто, снял белые туфли и положил их в шкаф. Он подошел к столу. Стол был маленький, стоял у стены, на нем лежала бумага, а на бумаге был аист.

Аист был слегка изогнут. Левое крыло было немного

длиннее правого. Глаз представлял собой единственную точку, а клюв — тонкую линию, а ноги — две маленькие штрихи, идущие вниз и затем, в самом конце, свернувшиеся в петлю. Он сделал это на ночном столике, в предрассветные часы, так, как его научила бабушка, как она научила его всему: как сделать аиста, как сделать слегка изогнутого аиста, как сделать аиста, который был там, и аиста, который ушел. Он сделал это для мальчика. Он сделал это для Карима.

Софиан сидел за столом и смотрел на море, и море было цвета неба, и небо было цвета моря, и грань между ними была тонка и там и не там. Он не ел. Он посмотрел на бумагу, посмотрел на аиста и подумал: *это тот самый*, и он имел в виду не аиста, он имел в виду мальчика, он имел в виду мальчика, который не просыпался, он имел в виду мальчика, который уйдет утром, он имел в виду мальчика, который будет никем, мальчика, который будет никем, мальчика, который будет бумагой на стене, аиста, который был там, и аиста, который ушел.

У него было дело, и дело было простое, и дело было таким же, как и все, что он делал, дело, которое требовало от него терпения, дело, которое требовало от него быть тем, кто не боялся, тем, кто не торопился, тем, кто мог ждать, пока поменяется свет, и поменяется свет, и поменяется свет, пока ночь не превратилась в ночь, и море не стало морем, и мальчик в квартире за три улицы от него был один, и мальчик в квартире за три улицы спал, а мальчик в квартире за три

улицы не знал, что в его комнату вошел мужчина и мальчик в квартире за три улицы не знал, что его держит мужчина, а мальчик в квартире за три улицы не знал, что руки мужчины были теплыми и руки мужчины были на нем, и мальчик в квартире за три улицы спал, а мальчика в квартире за три улицы не было.

В этом-то и дело. Вот и все. И Софиан мог это сделать, потому что у Софиана было лекарство, а лекарство было в маленькой стеклянной бутылочке в ящике, бутылке с жидкостью, которая была цвета ничего, жидкостью цвета воды, жидкостью, которую ребенок пил, потому что ребенок хотел пить, и ребенок устал, и ребенок не думал, ребенок не думал, потому что ребенок не думает, ребенку дают стакан чего-то, и ребенок пьет, и ребенок спит, и ребенок не просыпается. Это было лекарство. Это был период полураспада. Это было то, что очистилось от крови за два дня, то, что не оставило следов, то, что не оставило имени, то, что было водой в стакане, и стакан в руке, и рука, которая была рукой, и рука, которая была теплой, и рука, которая была на мальчике.

Он узнал о лекарстве от человека в старом квартале, от человека, который продал ему бутылку за деньги и не спрашивал, не спрашивал, потому что мужчина был человеком, а бутылка была бутылкой, и Софиан заплатил этому человеку, и мужчина ушел, а мужчина исчез, и бутылка была на полке, и бутылка была вещью, и вещь была тем, что сделало это возможным, и вещь, которая сделала это возможным, была

тем, чего он хотел, а то, чего он хотел, было тем, чего не было. вещь, вещь, которая была комнатой, вещь, которая была мальчиком, вещь, которая была тишиной, вещь, которая была руками, вещь, которая была тишиной ребенка, который не боялся, тишиной ребенка, который позволял ему держать себя, тишиной ребенка, который был его, и был его, и был его, и не хотел быть его.

Вот в чем была проблема. В этом была вся беда. Он мог держать ребенка, он мог держать ребенка час, он мог держать ребенка ночь, он мог держать ребенка неделю, но ребенок просыпался, и ребенок уходил, и ребенок рос, и ребенок уходил, и ребенок был бы ничьим, и Софиан был бы никем, и в комнате было бы тихо, и комната была бы комнатой, и свет был бы светом, и море было бы морем, и вещь исчезла бы, и вещь бы уйдет, и Софиан останется один, и Софиан будет один, и одиноким будет то, единственное, что было дырой, дыра, которая была желанием, желание, которое было потребностью, потребность, которая была тем, что он не мог назвать, тем, что он не мог сказать, тем, что он не мог никому сказать, тем, что он мог только делать, тем, что он мог делать только руками, тем, что он мог сделать только с ребенком, тем, что он мог сделать только с ребенком, который не боялся, тем, что он мог только делать с ребенком, который ему позволяет.

Поэтому он заберет ребенка. Он брал ребенка, и он держал ребенка, и забота была вещью, заботой была тишина, за-

ботой была комната, заботой был свет, заботой были руки, заботой был ребенок, который был его, и который был его, и который был его, а потом ребенок уходил, и ребенок уходил, потому что ребенок не мог оставаться, потому что ребенок должен был уйти, потому что ребенок должен был быть никем, потому что ребенок должен был быть бумагой на стене, аистом, который был там и ушедший аист.

И так оно и было. Так оно и было. Лекарство для сна, море для отдыха, аист для комнаты. Лекарство, море и аист. Три вещи. Три маленькие, тихие, личные вещи. И когда три вещи будут соединены вместе, то, что было дырой, будет заполнено, и заполнение продлится до следующего ребенка, и следующий ребенок будет следующим ребенком, и следующий ребенок будет тем, и один будет тем, и тот уйдет, и уйдет тишина, и тишиной станет комната, и комната станет морем, море станет светом, а свет станет концом.

Софиан сидел за столом и смотрел на аиста, и аист был аистом, и аист был слегка скрюченным, и аист был той вещью, и этой вещью был мальчик, и мальчиком был Карим, и Кариму было семь лет, и у Карима была сломана рука, и сломанная рука была вещью, сломанная рука, которая позволяла ему держать ее, сломанная рука, которая позволяла ему положить на нее руки, сломанная рука, которая позволяла ему быть тем, тем, кто поставил кость, тот, кто заставил боль уйти, тот, кто был рукой, той рукой, которая была теплой, рукой, которая была на мальчике, мальчике, который был его,

мальчике, который будет его, мальчике, который уйдет.

Снаружи свет погас, и море стало тьмой, и город стал тьмой, и Софиан встал, и взял бутылку, и взял бумагу, и подошел к двери, и дверь была дверью, и улица была улицей, и ночь была ночью, и ночь была тем, и дело было, и Софиан пошел, и Софиан пошел, и Софиан ушел.

В квартире через три улицы мальчик лежал в своей постели, и мальчик хотел пить, и мальчик потянулся за стаканом, и стакан был стаканом, и стакан был лекарством, и лекарством была вода, и вода была сном, и мальчик спал, и мальчик спал, и мальчик не просыпался, и мальчик не просыпался, и мальчик ушел, и мальчик ушел, и в комнате было тихо, и в комнате было тихо, и аист был на стене, и аист был слегка изогнут, и аист был там, и аист ушел.

Море было у окна, и море было морем, и Софиан сидел во тьме, и Софиан не шевелился, и Софиан не думал, и Софиан был тот, и тот был тот, и тот был тишиной, и тишина была комнатой, и комната была светом, и свет был концом, и конец был началом, и начало было аистом, и аист был аистом, и аист был там, и аист ушел.

ГЛАВА II

Ребенок в воде

Ребенком была девочка, и ее звали Леа, и ей было четыре года, и она пропала без вести три дня, и мать пришла в жандармерию в семь утра, и жандармерия сделала запись, и записка была бланком, а бланк был бумагой, а бумага была вещью, на которую никто не смотрел дважды. Мировой судья Клэр Дюваль увидела этот бланк на столе вместе с другими бланками во вторник, и она не взглянула на него, потому что это был бланк, который приходил каждую неделю, такой бланк, в котором говорилось, что ребенок пропал, такой бланк, в котором говорилось, что ребенок вернется, такой бланк, в котором говорилось, что в этом нет необходимости, нет необходимости, нет необходимости.

В бланке говорилось, что мать обратилась в жандармерию, и в бланке говорилось, что жандармерия сделала запись, и в бланке говорилось, что записка была бланком, а бланк был бумагой, а бумага была вещью, на которую никто не смотрел дважды. Дюваль прочитал форму, и форма была формой, и форма была бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, а вещь была тем, что говорило: *сохраните это, сохраните это*. В бланке было указано имя матери. Адрес матери был указан в бланке. Номер телефона

матери был указан в бланке. Мать была матерью, и мать повернулась на секунду, и вторая была второй, и вторая была вещью.

Дювалю было сорок два года, и она работала судьей четырнадцать лет, и за четырнадцать лет она видела всякого рода пропавших детей: ребенка, который убежал, ребенка, которого забрал родитель, ребенка, который затерялся в толпе, ребенка, который потерялся в лесу, ребенка, который потерялся в море, и ребенка, который потерялся в тишине. Она видела их все, и она закрыла их все, и она закрыла их все одинаково, как сказано в законе, как сказано в деле, как сказано в газете. Бумага была бумагой, а бумага была вещью, а вещь была вещью, на которой было написано: *сохраните это, сохраните это, сохраните это*, и поэтому она сложила это.

В анкете говорилось, что девочку звали Леа, четырех лет, в последний раз ее видели на детской площадке на набережной Рив-Нев около четырех часов дня вместе со своей матерью, и мать сказала, что она повернулась на секунду, на ту секунду, когда повернулась мать, на ту секунду, когда мать должна повернуться, потому что другой ребенок упал, у другого ребенка была царапина на колене, царапина, которая кровоточила, царапина, для которой потребовалась ткань, тряпка и вода, и когда мать повернулась назад, девочка была не было, и девочки не было, и девочки не было, и детская площадка была детской площадкой, и детская площадка бы-

ла пуста, и девочка была девочкой, и девочка ушла.

Дюваль дважды прочитала форму, и форма была формой, и форма ничего не говорила, форма не говорила ничего необычного, форма не говорила ничего такого, что заставило бы ее поднять голову, и она положила форму на поднос, поднос с надписью *рутина*, и поднос был подносом, и поднос был местом, а место было местом, и день продолжался.

Это сержант принес его обратно. Его звали Ондо, Малик Ондо, и по отцу он был сенегальцем, а по матери - французом, и он пробыл в отделении по расследованию исчезновений детей девять лет, и за девять лет он выучил запах чемодана, запах, который был у ящика, запах, который не был формой, запах, который стоял за формой, запах, который говорил: *здесь что-то не так*, и запах был запахом, и запах был вещью, и вещь была тем, что он не мог назвать.

Он пришел в кабинет Дюваля в полдесятого с бланком в руке и не постучал, потому что Ондо не стучал, и положил бланк на стол, и сказал: *Мадам*, и Дюваль сказал: *Что такое, Ондо*, и Ондо сказал: *Детская площадка*, и Дюваль сказал: *Да*, и Ондо сказал: *Никого не было*, и Дюваль посмотрел на него, и Ондо сказал: *Никого не было, никого видел ее, никто не видел, как она ушла, никто не видел мужчину, никто не видел машину, никто ничего не видел, и мать говорит, что она повернулась на секунду, а вторая была на секунду, а девочки не было, вот в чем дело, мадам, в том-то и дело*.

Но дело было не в том. Дело было в девушке. Дело было в Лее. Это была четырехлетняя девочка с маленькими туфлями, маленькой сумочкой и маленьким лицом, и маленькое лицо было лицом, и это лицо было лицом, которое знала мать, лицом, которое мать искала, лицом, которое мать искала в каждом окне, в каждой двери, на каждой улице, в каждом море, и море было морем, и море было вещью, и эта вещь была тем, на что Дюваль не смотрел, потому что море было морем, а море было морем, и море не удержало, море не удержало, и море было морем.

Три дня спустя Дюваль увидел вторую форму. Вторая форма была первой формой, первая форма, которая пришла после первой формы, и первая форма была формой, и форма была бумагой, и бумага была вещью, и вещь была вещью, которая говорила: *сохраните это, сохраните это, сохраните это*, и Дюваль увидел форму, и Дюваль посмотрел на форму, и форма была формой, и форма ничего не сказала, и форма не сказала ничего необычного, и форма сказала, что мальчик пропал, мальчику было шесть лет, и мальчика последний раз видели в больница, в больнице, где работал физиотерапевт, больница, где у мальчика была сломана рука, больница, где мальчик был с физиотерапевтом, и физиотерапевт был физиотерапевтом, и физиотерапевт был тот, и тот был тот, и тот был тем, у кого были руки, и руки были руками, и руки были теплыми, и руки были на мальчике, и мальчик был мальчиком, и мальчик исчез.

Мальчику было семь, а не шесть, и в бланке было указано шесть, и в бланке было указано, что мальчика видели в больнице, и больница была больницей, и больницей был Больничный центр Тимона, и Тимон был Тимоном, и Тимон был палатой, и палата была палатой, и палата была физиотерапевтическим кабинетом, а физиотерапевтический кабинет был комнатой, а палата была комнатой с ковриком на полу и свет из окна и запах антисептика, и физиотерапевт был физиотерапевтом, и физиотерапевт был тем, и тот был тем, и тот был тем, кто вправил кость, и кость была костью, и кость была разделена на две части, и эти две части были двумя частями, которые не были в одном и том же месте, и мужчина положил их обратно на то же место, и человек положил их осторожно вернуться назад, как говорилось в книге, как говорила мать, как говорила медсестра, и мальчик смотрел на него, и мальчик не плакал, и мальчик ушел, и мальчик ушел, и мальчик ушел, и мальчик был мальчиком, и мальчик был Каримом, и Карим был мальчиком, и мальчик был мальчиком.

Дюваль прочитал вторую форму, и вторая форма была первой формой, и первая форма была формой, и форма была бумагой, и бумага была вещью, и вещь была вещью, и Дюваль смотрел на форму, и Дюваль не двигался, и Дюваль не думал, и Дюваль положил форму на поднос, и поднос был подносом, и поднос был рутиной, и рутина была рутиной, и день продолжался.

Это Ондо пришел снова. Он пришел в полдень, и не по-

стучал, и положил второй бланк на стол, и сказал: *Мадам*, и Дюваль сказал: *Что такое, Ондо*, и Ондо сказал: *Мальчик*, и Дюваль сказал: *Да*, и Ондо сказал: *Была бумага*, и Дюваль посмотрел на него, и Ондо сказал: *В комнате мальчика, на стене, была бумага, и бумага была аистом, и аист был аистом, и аист был слегка крив, и аист был аистом, и аист был там, и аист ушёл*.

Комната мальчика была в квартире в трех улицах от больницы, в доме с синей дверью, и мальчик спал в кровати, и стакан был на столе, и стакан был стаканом, и стакан был пуст, и мать пришла в семь, и мать увидела газету, и мать увидела аиста, и мать не пошевелилась, и мать ничего не сказала, и мать ушла в жандармерию, а жандармерия сделал запись, и запись была формой, форма была бумагой, а бумага была вещью. Ондо был в квартире в восемь, и Ондо видел газету, и Ондо видел аиста, и Ондо сфотографировал аиста, и картинка была картинкой, а картинка была бумагой, и бумага была аистом, а аист был слегка изогнут, и аист был аистом, аист был там, а аист ушел.

Дюваль посмотрел на Ондо, и Ондо был Ондо, и Ондо был тем самым, и Дюваль сказал: *Что еще*, и Ондо сказал: *Ничего другого*, и Дюваль сказал: *Сохраните это*, и Ондо сказал: *Я сделал*, и Дюваль сказал: *Тогда это будет подшито*, и Ондо сказал: *Да, мадам*, и Ондо ушел, и Ондо ушел, и в офисе было тихо, и тишина была тишиной, и Дюваль сидел за столом, и Дюваль не шевелился, и Дюваль не

думал об аисте, потому что аист был аистом, а аист был бумагой, и бумага была стеной, и стена была комнатой, и комната была мальчиком, и мальчик был мальчиком, и мальчик ушел, и ушел, и ушел, и ушел, и вещь была вещью, которая говорила: *сохраните это, сохраните это, сохраните это*.

Но дело было не в том. Дело было в аисте. Дело было в бумаге. Дело было в слегка изогнутой линии, линии, которая была линией, линии, которая была аистом, аистом, который был аистом, аистом, который был там, и аистом, который ушел. А Дюваль еще этого не знал. А Дюваль еще этого не знал. А Дюваль еще этого не знал. И аист был аистом, и аист был вещью, и вещь была вещью, и вещь была тем, что придет, и то, что придет, было тем, что не будет подано, и то, что не будет подано, было вещью, которая не будет подносом, и поднос был подносом, и поднос был рутиной, и рутина была рутиной, и рутина была вещью, и вещь была вещью, и вещь была аистом, и аист был аистом, аист был там, а аист ушёл.

ГЛАВА III

Пустая комната

Комната была комнатой. Комната была маленькая, и комната была белой, и комната была той комнатой, которая была комнатой, комнатой, в которой стояла кровать, и кровать держала ребенка, и ребенок хранил тишину, и тишина была тишиной, и тишина была тем, а вещь была тем, чего теперь не было. Софиан стоял в дверях и не вошел, потому что ему не нужно было входить, потому что комната была комнатой, и комната была тихой, и тишина была тишиной, и тишина была вещью.

Он был там раньше. Он был там в три часа ночи с бутылочкой, и бутылка была бутылкой, и бутылка была лекарством, и лекарство было водой, и вода была сном, и сон был сном, и сон был тем, что было тем, и дело было тем, чего он хотел, и то, что он хотел, было тем, что было комнатой, и комната была комнатой, и комната была ребенком, и ребенок был ребенком, и ребенок тот, и тот был тот.

Он повесил аиста на стену. Аист был аистом, и аист был слегка изогнут, и аист был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, и вещь была вещь, которая говорила: *ребенок приходит в дом*, и вещь была вещь, которая говорила: *ребенок здесь*, и вещь была вещь, которая го-

ворила: *ребенок ушел*, и вещью была вещь, которая говорила: *аист здесь, и аист ушел*, и аист был аистом, и аист был вещью, и вещь была вещью.

Софиан не вошел. Он стоял в дверях и смотрел на комнату, и комната была комнатой, и в комнате было тихо, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и он не двигался, и он не думал, и он не чувствовал, потому что чувство было чувством, а чувство было вещью, и вещь была тем, чего он не мог иметь, вещью, которую он не мог удержать, вещью, которую он не мог удержать, вещью, которая была дырой, дырой. Это было желание, желание, которое было потребностью, потребность, которая была тем, что он не мог назвать, то, что он не мог сказать, то, что он не мог никому сказать, то, что он мог только делать, то, что он мог делать только руками, то, что он мог делать только с ребенком, то, что он мог сделать только с ребенком, который не боялся, то, что он мог сделать только с ребенком, который позволял ему.

Он был в комнате в три часа ночи, и он держал мальчика, и мальчик был мальчиком, и мальчик спал, и сон был сном, и сон был лекарством, и лекарство было жидкостью, и жидкость была цвета воды, и цвет воды был цветом ничего, и ничто было ничем, и ничто было вещью. Он держал мальчика, и мальчик не шевелился, и мальчик не просыпался, и мальчик не плакал, и мальчик был мальчиком, и мальчик был тем, и тот был тем, и тот был его, и тот был его, и тот был его, а потом тот ушел, и тот ушел, и тот был бумагой на стене, и

бумага была аистом, а аист был аист, и аист был слегка изогнут, и аист был там, и аист ушел.

Комната была готова, и создание было созданием, и создание было заботой, и забота была заботой, и забота была вещью. Маленькая кровать с белой простыней, заправленной под матрас. Ящик шкафа полуоткрыт, носки сложены в том порядке, в котором их складывает мама: один темный, один светлый, а третий, серый, отодвинут назад, потому что его не стирали. Картина на стене, детский рисунок дома с красной крышей, солнце в углу со всеми восемью лучами, трава — единственная зеленая линия, которая шла во всю ширину страницы и потом в конце оборвалась, как будто у руки, нарисовавшей ее, кончились краски. Комната была идеальной комнатой, и идеальное было совершенным, и совершенным была вещь, и вещь была той вещью, которая была комнатой, и комната была комнатой, и комната была пустой, и пустая была пустой, и пустая была вещью.

Мальчик был мальчиком. Мальчиком был Карим, а Кариму было семь лет, и у Карима была сломанная рука, и сломанная рука была вещью, сломанная рука, которая позволяла ему держать ее, сломанная рука, которая позволяла ему возлагать на нее руки, сломанная рука, которая позволяла ему быть тем, тем, кто вправил кость, тем, кто заставил боль уйти, тем, кто был рукой, рукой, которая была теплой, рукой, которая была на мальчике, мальчиком, который был его, мальчиком, который будет его, мальчиком, который будет

ушел. И мальчик исчез. И мальчик исчез. И комната была комнатой. И в комнате было тихо. И тишина была тишиной. И дело было в тишине.

Софиан вышел. Он вышел из комнаты, и он вышел из квартиры, и он вышел из здания, и он вышел на улицу, и улица была улицей, и улица была ночью, и ночь была ночью, и ночь была вещью, и вещь была вещью. Он шел. Он пошел к морю. Море было морем, и море было тьмой, и тьма была тьмой, и тьма была тем, и вещь была тем. Он стоял у воды. Вода была водой, и вода была морем, и море было морем, и море было морем, и море было вещью, и вещь была вещью.

Он нес мальчика, и переноска была переноской, и переноска была тяжестью, и тяжесть была тяжестью, а тяжесть была вещью. Он нес мальчика на руках, как мужчина носит ребенка, как отец несет ребенка, как мужчина несет вещь, которая принадлежит ему, и мальчик спал у него на руках, и сон был сном, и сон был лекарством, и лекарство было жидкостью, и жидкость была цветом воды, и цвет воды был цветом ничего, и ничто было ничем, и ничто было вещью. Он отнес мальчика в лодку, и лодка была лодкой, и лодка была длиннохвостым, а длиннохвостый был длиннохвостым, и длиннохвостый был вещью, и мужчина вытащил его на веслах, и мужчина не спрашивал, и мужчина не смотрел, и мужчина был человеком, а мужчина был вещью. Он уронил блок, и блок был блоком, и блоком был бетон, и бетоном были восемьдесят килограммов, и восемьдесят килограммов бы-

ли восемьдесятю килограммами, и восемьдесят килограммов были вещью, и вещь была вещью, и вещью был ребенок, и ребенок был ребенком, и ребенок был завернут в полотенце, и полотенце было полотенцем, и полотенце было мокрым, и мокрое было мокрым, и мокрое было тем. Блок ушел под воду, и блок был блоком, и блок был водой, и вода была водой, и вода была морем, и море было морем, и море выдерживало, и море выдерживало, и море выдерживало.

Он посмотрел на воду. Вода была водой, и вода была морем, и море было морем, и море не удерживало, море не держало, и море было морем. Он подумал о мальчике. Он подумал о Кариме. Он подумал о сломанной руке. Он подумал о руках. Он подумал о теплых руках. Он подумал о руках, которые были на мальчике. Он подумал о мальчике, который принадлежал ему. Он думал о мальчике, который станет его. Он думал о мальчике, который скоро исчезнет.

Мальчик ушел. Мальчик ушел. И комната была комнатой. И в комнате было тихо. И тишина была тишиной. И дело было в тишине. И дело было в этом. И дело было в дыре. И дыра была необходимостью. И желание было необходимостью. А потребность была тем, чего он не мог назвать. И то, что он не мог назвать, было тем, чего он не мог сказать. И то, чего он не мог сказать, было тем, чего он не мог сказать никому. И то, что он не мог никому сказать, было тем, что он мог только сделать. И то, что он мог сделать, было то, что он мог делать только руками. И то, что он мог делать только руками,

было то, что он мог делать только с ребенком. И то, что он мог сделать только с ребенком, было тем, что он мог сделать только с ребенком, который не боялся. И то, что он мог сделать только с ребенком, который не боялся, было тем же, что он мог сделать только с ребенком, который позволял ему.

И ребенок, который позволил ему, был ребенком, которого больше нет. И ребенок, который ушел, был ребенком, который был никем. И ребенок, который был никем, был ребенком, который был ничем. А ребенок, который был ничем, был ребенком, который был бумагой на стене. А бумага на стене была аистом. А аист был аистом. И аист был слегка кривоватый. И аист был там. И аист ушел.

Он сделал это, и действие было делом, и дело было делом, и дело было делом, и делом была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была комнатой, и комната была комнатой, и комната была белым, и белое было белым, и белое было стеной, и стена была стеной, и стена была аистом, а аист был аистом, и аист был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, и вещь была вещью, и вещь была мальчиком, и мальчик был мальчиком, и мальчик был Каримом, и Карим был мальчиком, и мальчик был мальчиком, и мальчик ушел, и ушедшее было ушедшим, и ушедшее было тем.

Софиан стоял у воды. Вода была водой. Море было морем. Море не удержалось. Море не удержалось. А море было морем. И дело было в море. И дело было в этом. И дело было в дыре. И дыра была необходимостью. И желание было

необходимостью. А необходимость была в этом. И дело было в этом. И дело было в аисте. А аист был аистом. И аист был там. И аист ушел.

ГЛАВА IV

Оформление документов

Файл был файлом. Файл был папкой, а папка была папкой, и папка была папкой с надписью *дело 24-1187*, и это было дело, и дело было о пропавшей девочке, и девочка была девушкой, и девочка была Леа, и Леа была девушкой, и девочке было четыре, и четыре было четыре, и четыре было возрастом, и возраст был возрастом, а возраст был вещью. Дюваль посмотрел на файл, и файл был файлом, и файл был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, а вещь была тем, что говорило: *читай, читай, читай*.

Она прочитала это. Она прочитала отчет. Отчет был отчетом, отчет был бумагой, бумага была бумагой, а бумага была вещью. В сообщении говорится, что в последний раз девочку видели на детской площадке в четыре часа. В сообщении говорится, что мать повернулась на секунду. В сообщении говорится, что мужчину никто не видел. В сообщении говорится, что никто не видел машину. В сообщении говорилось, что никто ничего не видел. В отчете говорилось, что в четыре пятнадцать детская площадка была пуста. В отчете говорилось, что в четыре тридцать игровая площадка была пуста. В отчете говорилось, что в пять игровая площадка была пуста. В отчете говорилось, что в шесть игровая площад-

ка была пуста. В отчете говорилось, что в семь игровая площадка была пуста. В отчете говорилось, что в восемь игровая площадка была пуста. В сообщении говорится, что детская площадка была пуста. В сообщении говорится, что девушки там не было. В сообщении говорится, что девочка пропала. В сообщении говорится, что девочка пропала. В отчете говорилось, что девочка была девушкой. В отчете говорилось, что файл был файлом. Файл был файлом.

В деле говорилось, что мать пошла в жандармерию в семь утра, и жандармерия сделала записку, и записка была формой, а форма была бумагой, а бумага была вещью. В досье говорилось, что детская площадка располагалась на набережной Рив-Нев, и набережная была набережной, и набережная была водой, а вода была водой, а вода была морем, а море было морем, а море было тем. В досье говорилось, что мать повернулась на секунду, и второй был вторым, и второй был царапиной, и царапина была царапиной, и царапина была коленом, и колено было коленом, и колено было кровью, и кровь была кровью, и кровь была тканью, и ткань была тканью, и ткань была водой, и вода была водой, и вода была вещью. В досье говорилось, что мать оглянулась назад, и оглядывание назад было оглядыванием назад, и оглядывание назад было вторым, и второе было вторым, и второе было вещью, и вещь была вещью, и вещь была девочкой, и девочка была девочкой, и девочкой была Леа, и Леа была девочкой, и девочке было четыре года, и четыре были четырьмя, и четыре были

возрастом, а возраст был возрастом, и возраст имел решающее значение.

Ондо был в комнате. Ондо стоял у окна. Ондо не сидел. Ондо не писал. Ондо не пошевелился. Ондо посмотрел на файл, и файл был файлом, и Ондо посмотрел на Дюваль, и Дюваль посмотрел на файл, и файл был файлом, и файл был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, а вещь была тем, что говорило: *что это, что это, что это*.

Что это, — сказал Ондо. Дюваль посмотрел на него. *Я не знаю*, сказала она. *Тогда в чём дело*, — сказал Ондо. *Это случай*, - сказал Дюваль. *Это пропавший ребенок*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *И*, — сказал Ондо. *И что*, сказал Дюваль. *А чего такого нет в файле*, — сказал Ондо. Дюваль посмотрел на файл. Файл был файлом. Файлом была бумага. Бумага была бумагой. Бумага была вещью. *В файле нет ничего, чего бы не было в файле*, - сказал Дюваль. Ондо сказал: *Посмотри на это*, и Дюваль посмотрел на это, и взгляд был взглядом, и взгляд был тем, и Дюваль сказал: *Я смотрю*, и Ондо сказал: *Ищи то, чего нет*, и Дюваль сказал: *Ничего там нет*, и Ондо сказал: *Чего-то там нет*, и Дюваль сказал: *Что*, и Ондо сказал: *Я не знаю*, а Дюваль сказал: *Ты не знаю*, и Ондо сказал: *Нет*, и Дюваль сказал: *Тогда что, по-твоему, это такое*, и Ондо сказал: *Я думаю, что это третий*, и Дюваль сказал: *Третий*, и Ондо сказал: *Да*, и Дюваль сказал: *Кто третий*, и Ондо сказал: *Мальчик в палате*, и Дюваль спросил:

Какая палата, и Ондо сказал: *Тимон*, и Дюваль сказал: *Вы говорите, что мужчина собирается родить третьего ребёнка*, и Ондо сказал: *Я говорю, что мужчина взял первого и второго ребёнка, и мужчина есть мужчина, и мужчина есть мужчина, а мужчина ещё не закончен*. Дюваль посмотрел на файл, и файл был файлом, и файл ничего не сказал, и файл сказал все, и Дюваль сказал: *Держи это у меня на столе*, и Ондо сказал: *Да, мадам*, и Дюваль сказал: *И Ондо*, и Ондо сказал: *Да*, и Дюваль сказал: *Аист*, и Ондо сказал: *Да*, и Дюваль сказал: *Где вы это видели*, и Ондо сказал: *В комнате мальчика*, и Дюваль сказал: *И форма*, и Ондо сказал: *Аист был слегка изогнут*, и Дюваль сказал: *И*, и Ондо сказал: *И аист был там, а аист ушел*, и Дюваль сказал: *Да*, и Дюваль больше ничего не сказал, и Дюваль больше ничего не сказал, и Дюваль больше ничего не сказал. Дюваль посмотрел на него. *Аист был в комнате мальчика*, — сказал Ондо. *Комната мальчика была комнатой мальчика*, — сказал Дюваль. *Да*, — сказал Ондо. *И аист был аистом*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *И аист был слегка изогнут*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *И аист был там*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *И аист ушёл*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *Тогда в чём дело*, — сказал Ондо. Дюваль не ответил. Дюваль посмотрел на файл. Файл был файлом. Файлом была бумага. Бумага была бумагой. Бумага была вещью. *Это случай*, — сказал Дюваль. *Это двое пропавших детей*, — сказал Ондо. *Да*, сказал

Дюваль. *А аист был в комнате второго*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *И аиста не было в комнате первого*, — сказал Ондо. Дюваль посмотрел на него. *Первая была девочка*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *Второй был мальчик*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *Аист был в комнате мальчика*, — сказал Ондо. *Да*, сказал Дюваль. *Аиста не было в комнате девочки*, — сказал Ондо. Дюваль не ответил. Дюваль посмотрел на файл. Файл был файлом. Файлом была бумага. Бумага была бумагой. Бумага была вещью. *Что вы от меня хотите*, сказал Дюваль. *Я хочу, чтобы вы посмотрели файл*, — сказал Ондо. *Я просматриваю файл*, — сказал Дюваль. *Я хочу, чтобы вы посмотрели на то, чего нет в файле*, — сказал Ондо. Дюваль посмотрел на него. Ондо посмотрел на файл. Ондо посмотрел на Дюваля. Ондо сказал: *Аист был аистом*. Дюваль посмотрел на файл. Файл был файлом. Файлом была бумага. Бумага была бумагой. Бумага была вещью. *Я посмотрю файл*, — сказал Дюваль. Ондо не пошевелился. Ондо посмотрел на файл. Ондо посмотрел на Дюваля. Ондо сказал: *Да, мадам*. И Ондо пошел. И Ондо пошел. И в комнате было тихо. И тишина была тишиной. И дело было в тишине. Дочери было девять лет, и Ондо не говорил о дочери, а дочь была дочерью, и дочь была тем, что Ондо держал, и охрана была охраной, и охрана была вещью. Дочь была дома, и дом был домом, и дом был вещью, и мать дочери была матерью, и мать была вещью, и вещь была тем, о чем Ондо не говорил, и несказа-

ние было несказанием, и невысказывание было вещью. Ондодо вышел из кабинета, и кабинет был кабинетом, и кабинет был вещью, и Дюваль был за столом, и Дюваль был вещью, и папка была папкой, и папка была двумя детьми, и двое детей были детьми, и дети ушли, и ушли, и ушли, и ушли, и вещь была третьей, и третий был мальчик, и мальчик был в палате, и палата была палатой, и палата была Тимон, и Тимоне был местом, и место было местом, где мужчина был мужчиной, и мужчина был мужчиной, и мужчина был физиотерапевтом, и физиотерапевт был человеком, а мужчина был вещью. Дюваль еще не знал этого имени. Дюваль еще не знал этого имени. И имя было именем, и имя было Беннеджан, и Беннеджан был Беннеджаном, и Беннеджан был вещью.

Она прочитала отчет по палате. Отчет был отчетом, отчет был бумагой, бумага была бумагой, а бумага была вещью. В отчете говорилось, что палата была педиатрической, и палата была палатой, и палата была вещью. В отчете говорилось, что в отделении был физиотерапевт, и физиотерапевт был мужчиной, и мужчина был мужчиной, а мужчина был вещью. В отчете говорилось, что этот человек был известен медсестрам как месье Беннежан, а месье Беннежан был месье Беннежан, а месье Беннежан был тем мужчиной, и этот мужчина был мужчиной, а мужчина был вещью. В отчете говорилось, что этот человек находился в больнице одиннадцать лет, и одиннадцать лет были годами, а годы были годами, и годы были главным. В отчете говорилось, что этого человека

очень любили, а тот, кто нравился, был тем, кто нравился, а то, что любили, было в порядке вещей. В отчете говорилось, что этот человек посещал больных детей, и посещение было посещением, а посещение было главным. В отчете говорилось, что этот человек писал маленькие буквы, а буквы были буквами, а буквы были вещью. В отчете говорилось, что этот человек сдал кровь, и донорство было донорством, а донорство - это главное. В отчете больше ничего не сказано. В отчете больше ничего не сказано. В отчете больше ничего не сказано. И отчет был отчетом, и отчет был папкой, и папка была столом, и стол был кабинетом, и кабинет был вещью, и вещь была третьей, и третий был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчик был палатой, и палата была палатой, и палата была тишиной, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и вещь была аистом, а аист был аистом, и аист был там, и аист ушел.

У Ондо был список. Список был списком, список был бумагой, бумага была бумагой, а бумага была вещью. В списке говорилось, что в палате тридцать коек, и тридцать кроватей — это койки, а койки — это койки, а койки — это самое главное. В списке говорилось, что в палате четыре медсестры, и эти четыре медсестры были медсестрами, и медсестры были медсестрами, и все дело в медсестрах. В списке говорилось, что в отделении был один физиотерапевт, и тот был тот, и тот был мужчина, и мужчина был мужчиной, и мужчина был вещью. В списке говорилось, что человек пришёл

в шесть и ушёл в шесть, и шесть было шестью, и шесть было часом, и час был часом, и час был вещью. В списке говорилось, что ключ был у этого человека, и ключ был ключом, и ключ был вещью, и ключ был ключом от физиотерапевтического кабинета, а физиотерапевтический кабинет был комнатой, и комната была комнатой, а комната была вещью. В списке говорилось, что у этого человека была карта, и карта была картой, и карта была бумагой, и бумага была бумагой, а бумага была вещью. Ондо прочитал список, и список был списком, и список был тем, и вещь была тем, в котором говорилось: *человек есть мужчина, и мужчина есть мужчина, а мужчина есть тот*.

В офисе было тихо. Тишина была тишиной, и тишина была главным. Дюваль стоял у окна, и окно было окном, и окно было стеклом, и стекло было стеклом, и стекло было вещью. Свет был светом, и свет был днем, и день был днем, и день был тем. Улица внизу была улицей, и улица была улицей, и улица была вещью, и люди были людьми, и люди были людьми, и люди были вещью. Дюваль посмотрел на улицу, и взгляд был взглядом, и взгляд был сутью. Дюваль думал о палате, и палата была палатой, и палата была Тимон, и Тимон был больницей, и больница была больницей, а больница была вещью. Дюваль подумал о мальчике, и мальчик был мальчиком, и мальчик был семь, и семь было семь, и семь было возрастом, и возраст был возрастом, а возраст был вещью. Дюваль думал о руке, и рука была рукой, рука

была костью, а кость была костью, а кость была вещью. Дюваль думал о руке, и рука была рукой, и рука была теплой, и тепло было теплой, и тепло было вещью. Дюваль подумал об аисте, а аист был аистом, а аист был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, и аист был слегка изогнут, и кривая была кривой, и кривая была вещью, и аист был там, и аист ушел, и аист был там, и аист ушел.

Ондо, - сказал Дюваль, и Ондо был у двери, и Ондо повернулся, и поворот был поворотом, и поворот был тем. *Файл*, сказал Дюваль, и файл был файлом, а файл был вещью. *Да, мадам*, - сказал Ондо, и поговорка была поговоркой, а поговорка была делом. «Оно не закончено», — сказал Дюваль, и незаконченное — это незаконченное, а незаконченное — вот в чем дело. Ондо не ответил. Ондо посмотрел на Дюваля, и взгляд был взглядом, и взгляд был сутью. *Нет, мадам*, - сказал Ондо, и «нет» было «нет», и «нет» было главным, и «нет» было «да», и «да» было «да», и «да» было главным. Ондо вышел, и дело было в движении, и дело было в движении. Дверь была тихой, и тишина была тишиной, и тишина была главным. Дюваль сидел за столом, и сидение было сидением, и сидение было тем. Дюваль положила руку на папку, и рука была рукой, а рука была вещью. Дюваль не открывал папку, и неоткрытие было неоткрытием, а неоткрытие - вот в чем дело. Дюваль сидел, и сидение было сидением, и сидение было делом. Свет был светом, свет был светом, а свет был вещью. Офис был офисом, а офис был ве-

щью. Папка была папкой, и папка была двумя детьми, и двое детей были детьми, и дети ушли, и ушла ушла, и ушла вещь, и вещь была третьей, и третьей был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчик был подопечным, и подопечным была подопечная, и подопечная была Тимоном, и Тимон был Марселем, и Марсель был морем, и море было морем, и морем было море, и море не удержало, и море не удержало, и море было морем, и аист был аистом, и аист был там, и аист ушёл.

ГЛАВА V

Второй аист

Софиан не приготовил второго аиста на ночном столике. В этом и заключалась разница. Он сделал это в палате, в физиотерапевтическом кабинете, через час после того, как последний ребенок ушел домой, и свет из окна был светом из окна, дневным светом, светом цвета моря, чуть дальше по побережью, и он сделал это на листе карты, на листе бумаги, который был бумагой мальчика, на бумаге, на которой были записаны имя мальчика, его вес и телефонный номер матери мальчика, и он сделал это, потому что ему было нужно сделать это, и он нуждался в этом так же, как человеку нужен воздух, а не так, как человеку нужна вода, и разница была разницей, и разница была в том, и вещь была в том.

У него были для этого руки. У него были руки для всего. Утром его руки вправили руку мальчика, руку, которая была рукой, руку, которая была разделена на две части, две части, которые он аккуратно положил обратно на то же место, так, как сказано в книге, как сказала мать, как сказала медсестра, и после этого он вымыл руки, и руки были руками, и руки были чистыми, и чистое было чистым, и чистота была тем, что было нужно бумаге, потому что бумага нуждалась в чистой руке, а бумага нуждалась в руке медленная, и рука была

рукой, и рука не спешила, и рука не дрожала, и рука, которая не дрожала, была рукой, сотворившей аиста.

Аист был аистом. Это был белый квадрат, вырезанный ножницами из медицинской карты, которая жила в ящике тележки, в ящике, который хранила медсестра, в ящике, в котором лежала марля, и лента, и ножницы, и он не положил ножницы обратно в ящик, и этот ящик был тем ящиком, и в ящике не хватало ножниц, а недостающее было недостающим, а недостающее было тем, чего никто не видел, потому что никто не видел пропал, и никто не видел аиста, и никто не видел человека, который разрезал квадрат в предрассветные часы и сложил квадрат в карман, как человек складывает письмо, которое он не готов прочитать.

Мальчик находился в квартире в трех улицах от больницы. Квартира была квартирой, квартирой, которая была у матери, квартирой с синей дверью, дверью, которая была дверью, и дверь была вещью, а вещь была вещью, которая не была вещью. Софиан не выбирал квартиру. Мать выбрала квартиру. Мать выбрала квартиру так, как мать выбирает квартиру, думая о детях и думая о больнице, три улицы, три улицы, по которым ходит медсестра с ребенком в одной руке и сумкой в другой, и Софиан шел по трем улицам утром, и он шел по трем улицам вечером, и он шел по трем улицам ночью, и ночь была ночью, ночь была часом, а час был часом.

Он вошел в полночь, и дверь была дверью, а дверь была дверью, которую мать заперла днем, и замок был замком, и

замок был ключом, и ключ был ключом, и ключ был ключом, который он взял, ключ, который он взял из сумки, сумка, которая была на скамейке в коридоре, скамейка, которой пользовалась медсестра, и скамейка была скамейкой, и сумка была сумкой, а ключ был в карман сумки, а карман был карманом, и Софиан взял ключ, как человек берет ключ, той рукой, и той рукой, которая не дрожала, и той рукой, которую никто не видел, потому что там никого не было, и никого там не было, и вещь была вещью.

Мальчик лежал в постели. Мальчик был мальчиком. Мальчику было семь лет, и мальчик был мальчиком, и мальчик находился в больнице девять дней, и девять дней были девятью днями, и девять дней были костью, и кость была костью, и кость была рукой, а рука была рукой, и рука была вещью, и вещь была тем, что забрало его, тем, что забрало мальчика из моря, море, которое было морем, море, которое было набережной, quai была водой, а вода была водой, которая не удержала, и которая удержала, и которая удержала, и сохранение было сохранением. Мальчик спал. Мальчик спал с трех часов, с тех пор, как появился стакан, стакан, который был соком, и сок, который был лекарством, и лекарство, которое было лекарством, лекарство, которое было цвета ничего, цвета, который мальчик не видел, вкуса, который мальчик не мог назвать, сна, от которого мальчик не просыпался, и непробуждение было небодрствованием, а непробуждение было тем.

Софиан стоял в комнате. Комната была комнатой. Комната была комнатой, которую устроила мать, с картинками на стене, и картинки на стене были картинками, и картинки были картинками, которые мать поместила туда, и мать поместила их туда так, как мать кладет туда картинки: картинки моря, картинки пляжа, картинки дома, картинки с надписью «здесь», и «здесь» было здесь, а «здесь» было то, что нужно. Софиан смотрел на картинки, и картинки были картинками, и он смотрел на кровать, и кровать была кроватью, и он смотрел на мальчика, и мальчик был мальчиком, и он стоял в комнате, и комната была комнатой, и он не двигался, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была часом, и час был часом, и час был тем, чего он ждал, тем, что не пришло, тем, что приближалось, тем, что было придет.

Он подошел к кровати. Он подошел к кровати, как мужчина идет к кровати, ногой, и ногой, которая не звучала, и звук, который не звучал, был звуком, и звук был ковром, и ковер был ковром, и ковер был тем, что положила туда мать, ковром, который хранил звук, звук, который сохранял тишину, тишину, которая сохраняла комнату, и комната была комнатой, и комната была тишиной. Мальчик лежал в постели. Мальчик спал. Мальчик спал, и мальчик не знал, и мальчик не знал, что это была вещь, и вещь была вещью, и вещь была тем, что сделал Софиан, вещью, которую он сделал с помощью лекарства, и с помощью руки, и с часом, и с комнатой, и с морем, и море было морем, и море было вещью.

Он держал мальчика. Он держал мальчика так, как сказано в книге, как рука, которая держала руку, держала руку, той рукой, которая была рукой, и рука была теплой, и тепло было теплом, и тепло было вещью, и вещь была тем, что чувствовал мальчик, чувством, которое мальчик не называл, чувством, которое было чувством, чувством, которое было удержанием, удержанием, которое было удержанием, и удержанием, которое было удержанием. Голова мальчика была в руке. Рука была под головой. Голова была головой, а голова была тяжестью, и тяжесть была тяжестью, и тяжесть была вещью, а вещь была той вещью, которая не была вещью, вещью, которая была тем, чего он хотел, вещью, которая была тем, чего он хотел, вещью, которая была вещью.

Он держал мальчика целый час. Он держал мальчика в течение часа, и час был часом, и час был часом, в который не пришел свет, и не приход света был не приходом, и не приход был часом, и час был часом, и час был часом. Комната была комнатой. Тишина была тишиной. Аист был аистом, и аист был в кармане, и карман был карманом, и квадрат был квадратом, и квадрат был бумагой, и бумага была бумагой, и бумага была вещью, и вещь была вещь, которую он положит в комнату, вещь, которую он повесит на стену, стена, которая будет стеной, стена, на которой будет написано «аист здесь», и стена, на которой будет написано «аист ушел».

Он поставил мальчика на место. Он поставил мальчика на место, и место было местом, и место было полотен-

цем, и полотенце было полотенцем, и полотенце было мокрым, и мокрое было мокрым, и мокрое было тем, что взяло след, след, который оставила рука, след, который оставил пот, след, который оставила кожа, и взятие отметки было взятием, и взятие было вещью. Полотенце было в блоке. Блок был блоком. Блок был бетоном, а бетон был бетоном, и бетон был восемьдесят, и восемьдесят были килограммами, и килограммы были килограммами, а килограммы были вещью, вещью, которую море не вернуло, вещью, которую удержала вода, вода была водой, а вода была вещью.

Он подошел к лодке. Он подошел к лодке, и лодка была лодкой, и лодка была длиннохвостом, и длиннохвостый был длиннохвостым, и длиннохвостый был человеком, и мужчина был человеком, и мужчина был человеком, который не спрашивал, и непросение было не вопросом, и непросление было вещью, вещью, которую сделали деньги, деньги были деньгами, а деньги были вещью. Море было темным. Море было морем. Блок находился в воде. Блок был блоком, и блок был тяжестью, и вес был глубиной, и глубина была глубиной, и глубина была местом, и место было местом, где был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчик был ушедшим, и ушедшее было ушедшим, и ушедшее было тем.

Он вернулся в комнату. Комната была комнатой. Он повесил аиста на стену. Аист был аистом, и аист был слегка кривым, и кривым была кривая, и кривая была вещь, вещь, которую сделала рука, рука, которая не дрожала, рука, которая

была рукой. Он поставил его посередине стены, в том месте, где не было картинок, в том месте, куда смотрела мать, и взгляд был взглядом, а взгляд был вещью. Потом он вышел из комнаты, и вышел из квартиры, и квартира была квартирой, и дверь была дверью, и замок был замком, и замок был замком, и ночь была ночью, и ночь была вещью, и вещь была вещью, и вещь была вторым аистом, и второй аист был аистом, и аист был там, а аист ушёл.

Утром мать подошла к двери. Софиан был у двери. Софиан был у двери, и дверь была дверью, и дверь была вещью, а вещь была тем, что он сделал, тем, что он сделал ночью, рукой и бумагой. Мать была матерью. Мать была матерью, пришедшей из больницы, и больница была больницей, и больница была вещью, и вещью было то, что говорило: *твой сын возвращается домой*, и поговорка была поговоркой, и поговорка была радостью, и радость была радостью, а радость была вещью. Мать видела Софиана, и Софиан был мужчиной, и мужчина был мужчиной, и мужчина был физиотерапевтом, а физиотерапевт был человеком, который вправил руку мальчика, и обстановка была обстановкой, а обстановка была вещью. Мать сказала *спасибо*, и благодарность была благодарностью, и благодарность была вещью, и вещью было то, что сказала ему мать, и морю, и свету, и свет был светом, и свет был вещью.

Софиан пошел в квартиру. Он вошел, а квартира была квартирой, а комната была комнатой, и комната была пуста,

и пусто было пусто, и пусто было вещью. Кровать была кроватью. Кровать была заправлена. Кровать была кроватью, а простыни были простынями, и простыни были чистыми, и чистое было чистым, и чистота была самой вещью. Мальчика не было в комнате. Мальчик был в блоке, и блок был в море, и море было морем, и море было вещью. Аист был на стене. Аист был аистом, и аист был слегка скрюченным, и скрюченный был скрюченным, и скрюченный был предметом, и предмет был тем, что увидит мать, и видение было видением, а зрение было тем.

Мать увидела аиста. Аист был аистом. Мать смотрела на аиста, и взгляд был взглядом, и взгляд был часом, и час был часом, и час был вещью. Мать не плакала. Мать не плакала. Мать не плакала, потому что мать была матерью, а мать ничего не знала, и незнание было незнанием, а незнание было сутью. Мать сказала: *аист*, и поговорка была поговоркой, и поговорка была вещью, а вещь была тем, что сказала: *аист — это аист, а аист — это ребенок, и ребенок — это ребенок, и ребенок здесь, и ребенок идет*. А мать не знала. И мать не знала, что аист был не ребенком, и что ребенок не был аистом, и что аист был бумагой, и бумага была рукой, и рука была человеком, и мужчина был человеком, который поставил руку мальчика, и мужчина был человеком, который держал мальчика, и мужчина был человеком, который положил мальчика в колоду, и колода в море, и море в глубине, и глубина в хранении.

Мать посмотрела на аиста, и аист был аистом, и аист был слегка изогнутым, и кривой был кривой, и кривой была вещь, и вещь была той вещью, которая не была вещью, вещью, которой научила бабушка, аистом на бумаге, аистом, который был аистом, аистом, который был там, и аистом, который ушел. Мать не знала бабушку. Мать не знала бабушку, которая научила мальчика аисту, и учение было учением, а учение было вещью, вещью, которую мальчик выучил, вещью, которую мальчик рассказал матери, рассказом, который был рассказом, и рассказ был вещью. Мальчик сказал матери, что аист означает ребенка, и ребенок идет, и ребенок здесь. И мать поверила мальчику, и вера была верой, а вера была главное. И мальчик исчез. И мальчик исчез. И аист был там. И аист ушел.

Софиан стоял у двери. Дверь была дверью. Мать была у двери. Мать была матерью, и мать смотрела на него, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью. Софиан сказал: *мальчик был здоров*, и поговорка была поговоркой, и поговорка была вещью, и вещь была тем, что сказал человек, и мужчина был человеком, и мужчина был человеком, который поставил руку, и рука была рукой, а рука была вещью. Мать сказала: *спасибо*, и благодарность была благодарностью, и благодарность была главным. Софиан пошел. Софиан вышел из квартиры и вышел на улицу, и улица была улицей, и три улицы были тремя улицами, и три улицы были больницей, и больница была больницей, и больница была палатой, и пала-

та была палатой, и палата была вещью, и вещь было то, что говорило: *второй аист был вторым аистом, и второй аист был там, а второй аист ушёл*.

Он пошёл к морю. Он пошел к морю, и море было морем, и море было вещью, и вещь была тем, что он сделал, вещь, которую он сделал с двумя мальчиками, и с двумя аистами, и с двумя кубиками, и с двумя ночами, и две ночи были ночами, и ночи были часами, и часы были часами, и часы были вещью. Море было морем. Море удержало первого мальчика. Море удерживало второго мальчика. И сохранение было сохранением, и сохранение было тем, и дело было тем, что делало море, и действие было делом, и действие было морем, и море было морем, и море было делом.

Два аиста были аистами. Первый аист был на стене первой комнаты, а второй аист был на стене второй комнаты, и стены были стенами, и стены были комнатами, и комнаты были квартирами, и квартиры были улицами, и улицы были городом, и город был городом, и город был местом, и место было местом, где не было двух мальчиков, и «не» было «не», а «не» было вещью. Две матери были матерями. Обе матери не знали. И незнание было незнанием, и незнание было тем, что сохраняло тишину, тишиной, которая сохраняла город, город, который сохранял людей, и мужчины были мужчинами, и мужчины были полицией, и полиция была полицией, и полиция была тем, и вещь была тем, что придет, вещь, которая придет к аистам, аисты, которые были аистами, аиста-

ми, которые были там, и аистами, которые ушли.

Софиан стоял у воды. Вода была водой. Свет был светом. Свет падал на море, и свет был светом, и свет был цветом, и цвет был цветом моря, и море было морем, и море было вещью. Он подумал: *море — это море, и море — это вещь, и вещь — это вещь, и вещь — это сохранение, а сохранение — это сохранение*. И он подумал: *аист — это аист, а аист — это бумага, а бумага — это рука, а рука — это рука, а рука — это человек, а человек — это человек, а человек — это вещь, а вещь — это вещь*. И он подумал: *Я — вещь, а вещь есть вещь, а вещь есть вещь*. А море было морем. И море не ответило. И отсутствие ответа было неответом, и отсутствие ответа было тем, и дело было тем, и дело было тишиной, и тишина была тишиной, и тишина была тем.

Два мальчика были мальчиками. Мальчики были мальчиками, и мальчики ушли, и ушли, и ушли, и все ушло. Аисты были аистами, аисты были там, а аисты ушли. Палата была палатой, и палата была палатой, и палата была вещью, и вещь была вещью, которая говорила: *третий - это третий, и третий - мальчик, и мальчик - это мальчик, и мальчик - это палата, и палата - это палата, и палата - это вещь, и вещь - это вещь, и вещь - это аист, и аист - это аист, и аист будет туда, и аист уйдет*. И Софиан пошел. И Софиан пошел. И свет был светом. А море было морем. И дело было в море.

Он вернулся в квартиру. Квартира была квартирой, а квартира была вещью, и вещь была вещью, которую он сде-

лал, вещью, которую он сделал с годами, и с годами были годы, и годы были одиннадцатью, и одиннадцать были одиннадцатью, и одиннадцать были вещью, вещью, которая удерживала этого человека, человеком, который сохранил работу, работой, которая сохранила детей, и дети были детьми, а дети были вещью. Он подошел к полке. Полка была полкой, а полка была книгой, и книга была книгой, и книга была вещью, а вещь была тем, что говорило: *рука - это рука, а рука - это обстановка, и обстановка - это обстановка, а обстановка - это вещь*. Он положил руку на книгу. Рука была рукой, и рука была той рукой, которая держала мальчиков, и мальчики были мальчиками, а мальчики были вещью.

Море было морем. Аисты были аистами. Квартира была квартирой. Свет был светом. И свет был светом, и свет был вещью, и вещью была вещь, которая говорила: *третий - это третий, а третий - мальчик, и мальчик - это мальчик, и мальчик - это подопечный, и подопечный - это подопечный*. И мальчик был мальчиком. И мальчик был вещью. И дело было в этом. А аист был аистом. И аист был там. И аист ушел.

ГЛАВА VI

Что хранит море

Дюваль сидела в комнате, и комната была комнатой, и комната была комнатой, которую префектура дала ей за вещь, которая не была делом, дело, которое было делом, дело, в котором было написано *пропавший ребенок*, и пропавший ребенок был пропавшим ребенком, и пропавшим ребенком была Леа, и Леа была девочкой, и девочке было четыре года, и четыре было четыре, и четыре было возрастом, и возраст был возрастом, и возраст был тем, что было у моря взято, и море было морем, и море было набережной, и набережная была набережной, и набережная была водой, и вода была той водой, от которой мать на секунду отвернулась, и вторая была второй, и вторая была вещью, и вещь была вещью. Она сидела в комнате, и папка лежала на столе, и папка была папкой, а папка была бумагой, и она читала газету, и бумага была бумагой, и в газете говорилось, что девушка ушла, и ушедшая была ушедшей, и ушедшая была вещью.

Море хранит то, что море не отдает, и неотдача была неотдачей, и неотдача была вещью. Дюваль усвоил это за те годы, за те годы, когда она была судьей, судья, который был судьей, судья, который просматривал файлы, а файлы были файлами, и файлы говорили, что ребенок был ребенком, и

ребенок был ребенком, и ребенок ушел, и ушел, и ушел, и ушел, и все. Она посмотрела на дела о утонувших, и дела о утонувших были файлами о утонувших, и море сохранило те, которые оно сохранило, и те, которые оно сохранило, были теми, которые оно сохранило, а те, которые оно не сохранило, были теми, которые оно не сохранило, и разница была разницей, и разница была самой сутью. В этом файле не было тела, и отсутствие тела было отсутствием тела, и отсутствие тела было разницей, и разница была вещью, и вещь была тем, что не подходило, и неподходящее было неподходящим, и неподходящее было именно так.

Ондо был в комнате, и Ондо был Ондо, и Ондо был сержантом, и сержант был сержантом, а сержант был человеком, который стоял у окна и не сидел, и не сидеть было не сидеть, а не сидеть было в чем дело. У него была своя папка, и папка была папкой, и папка была дочерью, и дочь была дочерью, и дочери было девять, и девять было девять, и девять было возрастом, и возраст был возрастом, и возраст был вещью, и вещь была вещью, которую он не положил на стол, и не положить было не положить, а не положить было вещью. Дюваль посмотрел на него, и взгляд был взглядом, и взгляд был сутью. *Море хранит вещи*, — сказал Ондо. Дюваль не ответил. Дюваль посмотрел на файл. *Море хранит то, что забирает*, — сказал Ондо, — *и море не удерживает это там, где берет, и море не сохраняет это целиком, и море не сохраняет это для нас, и море сохраняет это так, как море хранит, и то,

как море сохраняет это, — вот в чем дело*. Дюваль посмотрел на него. Ондо не пошевелился. Ондо смотрел на воду через окно, и вода была водой, а вода была гаванью, а гавань была гаванью, и гавань была вещью, а вещь была вещью.

Они были на набережной. Они вместе были на набережной, и существо на набережной было существом на набережной, а существо на набережной было вещью. Они стояли там, где была игровая площадка, и игровая площадка была детской площадкой, и детская площадка была качелями, а качели были качелями, а качели были цепями, а цепи были цепями, и цепи были металлом, и металл был металлом, а металл был вещью. Жандармерия отметила это место, и место было местом, и место было мелом, и мел был мелом, и мел был линией, и линия была линией, а линия была вещью. Ондо стоял на коленях у мела, и это стояние на коленях было стоянием на коленях, и стояние на коленях было тем, и он смотрел на землю, и земля была землёй, и земля была мостовой, и мостовая была мостовой, и мостовая была вещью, и на мостовой ничего не было, и ничто было ничем, и ничто было вещью. Следы не было, и отсутствие следов было отсутствием следов, и отсутствие следов было тем, потому что накануне вечером шел дождь, и дождь пошел, и дождь был дождем, и дождь вымыл тротуар, и стирка была стиркой, и стирка была вещью, и вещь было то, что гласило: *море хранит вещь, и море сохраняет ее чистой*.

Море сохранило вещь. Это было первое, что сказал Ондо, и он сказал это в машине, по дороге из жандармерии, и Дюваль не смотрел на него, потому что Дюваль смотрел на бумагу, а бумага была бумагой, а бумага была страницей, и страница была страницей, на которой было написано *нет тела*, и отсутствие тела было отсутствием тела, а отсутствие тела было тем. Ондо сказал: *море хранит эту штуку*. Дюваль сказал: *море хранит очень много вещей*. Ондо сказал: *а то, что хранит море, — это то, чего нет у нас*. Дюваль не ответил. Дюваль посмотрел на бумагу. Бумага была бумагой. Море было морем, а море было тем, что не отдавало должного.

Они были у воды. Они шли к воде, как судья идет к воде, с папкой в руке, светом в глазах и тишиной в комнате главы. Порт был портом, а порт был причалами, а причалы были причалами, которые тянулись вдоль воды, вода была Средиземным морем, Средиземное море было морем, а море было всем. Жандармерия сделала заметку, и записка была запиской, и в записке говорилось, что ни одна лодка не ушла в указанный час, и час был часом, и час был ночью, а ночь была ночью. Жандармерия сделала вторую записку, и во второй записке говорилось, что длиннохвостого видели, и длиннохвостый был длиннохвостым, а длиннохвостый был лодкой, а лодкой была лодка, которая была пришвартована в бассейне в одиннадцать, и лодка была лодкой, которой в тот момент не было в бассейне, и отсутствие там было тем, что

его не было, а небытие было вот в чем дело.

У Ондо был лодочник. Лодочник был человеком, а мужчина был человеком с солнцем в лице, лицом, которое было лицом воды, и вода, которая была вещью. Мужчина сказал, что забрал пассажира, и пассажир был пассажиром, а пассажир был человеком, человеком, который пришел на пристань в одиннадцать, человеком, у которого была сумка, сумка, которая была сумкой, и сумка была тяжелой сумкой, и тяжелая была тяжелой, а тяжелая была вещь. Мужчина сказал, что пассажир заплатил ему наличными, и наличные были наличными, а наличные были евро, а евро были евро, а евро были вещью. Мужчина сказал, что вывез его, и вынос был вывозом, а вывоз был милей, а миля была милей от берега, а берег был берегом, а берег был вещью. Мужчина сказал, что пассажир стоял у перил, и стояние было стоянием, и стояние было минутой, и минута была минутой, а минута была вещью. Мужчина сказал, что пассажир перекинул сумку через борт, и закрытие было закрытием, и закрытие было водой, а вода была водой, которая закрыла сумку, и закрытие было закрытием, и закрытие было тем. Мужчина сказал, что он вернулся на пристань, и возвращение было возвращением, и возвращение было часом, и час был часом, и час был тем. Ондо спросил: *Мужчина говорил по-французски*. Мужчина сказал: *человек говорил по-французски, и француз был тем французом, который был акцентом, и акцент был акцентом, а акцент был вещью*. Ондо сказал: *ка-

кой акцент*. Мужчина сказал: *ударение было на севере, а север был на севере, а север был тем, что не было югом, а не-юг был не-югом, а не-юг был тем, что было*.

Дюваль написал это в книге. Книга была книгой, а книга была тетрадью, а тетрадь была тетрадью, в которой был футляр, и футляр был футляром, а футляр был двумя детьми. Она написала лодочника, и лодочник был свидетелем, и свидетель был свидетелем, а свидетель был вещью. Она написала час, и час был ночью, а ночь была ночью. Она написала мешок, и мешок был тяжелым, и тяжелым был блок, и блок был блоком, и блок был бетоном, и бетон был бетоном, и бетон был вещью. Она написала акцент, и акцент был север, и север был Алжиром, а Алжир был Алжиром, и Алжир был вещью. И она закрыла книгу, и закрытие было закрытием, и закрытие было тем, что говорило: *есть закономерность*, и узор был узором, и узор был вещью.

Двое детей были двумя детьми. Первой была девочка, и девочка была Леа, и Леа была девочка, и девочке было четыре года. Вторым был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчику было семь лет. Девочку видели на детской площадке, и детская площадка была детской площадкой, и игровая площадка была водой, а вода была морем. Мальчик лежал в больнице, и больница была больницей, и больница была Тимоне, и Тимоне был палатой, и палата была палатой, а палата была вещью. Девушка ушла днем, и день был днем, и день был светлым. Мальчик ушел ночью, и ночь была но-

чью, а ночь была морем. Двое детей были двумя детьми, и двое детей ушли, и ушло, и ушло, и ушло, и все.

Ондо попал в список. Список был списком, список был бумагой, а бумага была бумагой, на которой хранились имена, имена были именами, а имена были детьми. Он написал Леа, и Леа была девочкой, и девочке было четыре года, и четыре — это возраст. Он написал мальчика, и мальчик был мальчиком, и мальчику было семь лет, и семь было возрастом. Он написал даты, и даты были датами, и даты были днями, и дни были днями, которые не были днями, разделенными, и не разделенными были не разделенные, и не разделенные были неделей, и неделя была неделей. Он написал место, и место было водой, вода была морем, а море было морем. Он написал аист, и аист был аистом, а аист был бумагой, и бумага была аистом, и аист был слегка изогнут, и кривость была кривой, а кривая была вещью. И список был списком, и список был тем, что гласило: *два*, и два были двумя, и два были шаблоном, и шаблон был шаблоном, а шаблон был вещью.

Дюваль посмотрел на список. Список был списком. Она посмотрела на список, и список был вещью, и вещь была вещью, в которой говорилось: *что такое третье*, и третье было третьим, и третье было ребенком, и ребенок был ребенком, и ребенок был вещью. Она сказала: *есть третий*. Ондо посмотрел на нее. Ондо сказал: *ты думаешь, что есть третий*. Дюваль сказал: «Человек — это человек, а мужчина

— это человек, который делает вещь дважды, и вещь — это вещь, и вещь — это образец, а образец — это образец, который не является образцом, пока его не станет три». Ондо не ответил. Ондо посмотрел на список. Список был списком. Аист был аистом, а аист был бумагой, и бумага была аистом, и аист был здесь, и аист ушел, и уход был уходом, и уход был вещью.

Они вернулись в город. Город был городом, и город был светом, и свет был светом, и свет был днем. Машина была машиной, машина была тем, что двигалось, а движение было движением, движение было дорогой, а дорога была дорогой, а дорога была вещью. Дюваль держал в руке файл, и файл был файлом, и файл был папкой, и папка была папкой, и папка была бумагой, а бумага была бумагой. Она не открыла файл. Она посмотрела на бумагу, которая была обложкой, и обложка была обложкой, и обложка была футляром, и футляр был футляром, и футляр был номером, а номер был номером, и номер был 24-1187, а 24-1187 была вещью. Она подумала: *мужчина — это мужчина, который является физиотерапевтом*, и физиотерапевт был женщиной, и женщина был женщиной, и женщина был руками, а руки были руками, а руки были вещью. Она подумала: *руки — это руки, которые скрепляют кость*, и кость была костью, а кость была ребёнком, и ребёнок был ребёнком, а ребёнок был вещью. И она подумала: *море есть море, и море хранит вещь*, и сохранение было сохранением, и сохранение было делом.

Ондо вел машину. Ондо ничего не сказал. Молчание было молчанием, и в молчании было главное. Он думал о дочери, и дочь была девочкой, и девочке было девять лет, и девять лет было возрастом, а возраст был возрастом, а возраст был самой вещью. Он подумал о детской площадке, и детская площадка была детской площадкой, и игровая площадка была водой, а вода была морем, а море было вещью. Он подумал: *мужчина — это мужчина, который держит ребёнка*, и удержание было удерживанием, и удержанием был час, и час был часом, и час был ночью. И он подумал: *ночь — это ночь, и ночь — это море, а море — это сохранение, а сохранение — это вещь*. Он смотрел на Дюваля, а Дюваль не смотрел на него, и несмотрение было несмотрением, и несмотрение было файлом, и файл был файлом, а файл был вещью.

Они пошли в офис. Кабинет был кабинетом, а кабинет был комнатой, а комната была комнатой со светом, и свет был светом, а свет был вещью. Дюваль положил папку на стол, и стол стал столом, стол стал деревом, дерево было деревом, а дерево стало вещью. Она открыла файл, и отверстие было отверстием, и отверстие было страницей, и страница была страницей, а страница была бумагой. Она прочитала страницу, и страница была страницей, и страница написала имя, и имя было именем, и имя было Софиан, и Софиан был мужчиной, и мужчина был мужчиной, и мужчина был физиотерапевтом, и физиотерапевт был человеком в Тимоне,

и Тимоне был палатой, и палата была палатой, а палата была вещью. И она закрыла файл, и завершение было завершением, и завершением было то, что говорило: *мужчина есть мужчина*, и мужчина был мужчиной, а мужчина был вещью.

Ей нужно было проверить мужчину. Чек был чеком, а чек был вещью. Она взяла номер, и номер был номером, и номер был человеком, и мужчина был мужчиной, а мужчина был именем. Она позвонила в больницу, и больница была больницей, и больница была Тимоне, а Тимоне была палатой, а палата была вещью. Женщина за столом была женщиной, и женщина сказала, что мужчина был мужчиной, а мужчина был физиотерапевтом, а физиотерапевт был мужчиной, и мужчина был в комнате, и комната была комнатой, а комната была вещью. Женщина сказала, что этот мужчина был хорошим человеком, и хороший человек был хорошим человеком, и хороший человек был тем, что сказала мать, и поговорка была поговоркой, и поговорка была благодарностью, а спасибо было благодарностью, и благодарность была тем. Дюваль спросил: *это мужчина в городе*. Женщина сказала: *мужчина в городе, а город - это город, а город - это вещь*. Дюваль спросил: *у этого мужчины есть ребенок*. Женщина сказала: *у мужчины нет ребёнка, и неимение — это неимение, а неимение — это вещь*. И неимение было неимушим, и неимение было вещью, и вещь было то, что говорило: *мужчина — это мужчина, который хочет ребенка*, и желание было желанием, и желание было вещью.

Офис был офисом, и офис был тишиной, и тишина была тишиной, и тишина была главным. Дюваль сидел за столом, и стол был столом, и стол был вещью, и вещь была папкой, и папка была папкой, и папка была двумя детьми, и двое детей были двумя детьми, и двое детей исчезли. Она подумала: *мужчина — это мужчина, который есть руки*, и руки были руками, и руки были оправой, и оправа была оправой, а оправа была костью, а кость была костью, и кость была ребенком, и ребенок был ребенком, а ребенок был вещью. Она подумала: *мужчина — это мужчина, который является последним*, и последний был последним, и последний был час, и час был час, и час был ночью, и ночь была ночью, и ночь была морем. Она подумала: *море есть море, и море хранит вещь*, и сохранение было сохранением, и сохранение было вещью, и вещь была той вещью, которая не отдавала, и неотдача была неотдачей, и неотдача была вещью.

Ондо стоял у окна. Окно было окном, и окно было стеклом, и стекло было стеклом, и стекло было светом, и свет был светом, и свет был вещью. Снаружи город был городом, и город был улицей, и улица была улицей, и улица была людьми, и люди были людьми, а люди были вещью. Мать была матерью, а мать была матерью, потерявшей девочку, и потеря была потерей, а потеря была вещью. Мать мальчика была матерью мальчика, а мать мальчика была матерью, которая потеряла мальчика, и проигрыш был проигрышем, а проигрыш был вещью. Ондо подумал: *две матери - это две матери*, и

две матери были двумя матерями, и две матери были незнанием, и незнание было незнанием, и незнание было сутью. Он подумал: *человек — это человек, который является тишиной*, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и вещь была тем, что хранило город, и город был городом, и город был вещью.

Свет был светом. Свет был днем, а день был днем, и день был главным. Дюваль закрыл файл, и файл был файлом, а файл был вещью. Она посмотрела на имя, и имя было именем, и имя было Софиан, и Софиан был мужчиной, и мужчина был мужчиной, а мужчина был вещью. Она сказала: *море хранит эту штуку*. Ондо не ответил. Ондо стоял у окна. Море было морем. И дело было в море. И море сохранило эту вещь. И сохранение было сохранением, и сохранение было тем, и дело было тем, что не отдавало, и неотдача была неотдачей, и неотдача была тем.

ГЛАВА VII

Узор

Образец был образцом. Это было то, чего Дюваль не мог сказать, и это было то, что Ондо мог видеть. Узор был узором, а узор был вещью, и вещь была вещью, которую сделали двое детей, и двое детей были двумя детьми, и двое детей ушли, и ушло было ушло, и ушло было узором. У Дюваля был список, и список был списком, и список был бумагой, и бумага была бумагой, на которой хранились имена, и имена были именами, а имена были детьми. Она посмотрела на список, и список был вещью, и вещь была тем, что гласило: *посмотри на это, посмотри на это, посмотри*, и взгляд был взглядом, и взгляд был часом, и час был часом, и час был вещью.

Она посмотрела на имена. Первой была девочка, и девочка была Леа, и Леа была девочка, и девочке было четыре года, и четыре было возрастом, и возраст был возрастом, и возраст был вещью. Вторым был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчику было семь, и семь было возрастом, и возраст был возрастом, и возраст был вещью. Два имени были двумя именами, и два имени были детьми, и дети были детьми, и дети ушли. Она посмотрела на даты, а даты были датами, а даты были днями, а дни были днями, а дни были

тем. Первой была девушка, и девушка была днем, и день был днем, и день был вторником, и вторник был вторником, и вторник был вещью. Вторым был мальчик, и мальчик был днем, и день был днем, и день был понедельником, и понедельник был понедельником, и понедельник был вещью. И дни были днями, и дни были неделями, и неделя была неделями, и неделя была вещью, а вещь была тем, что говорило: *дни - это дни, которые не являются днями по отдельности, и неотделимое - это неотделимое, а неотделимое - это образец*.

У Ондо была стена. Стена была стеной, и стена была белой, и белое было белым, и белое было вещью. У него была веревка, и веревка была веревкой, и веревка была красной, и красная была красной, и красная была вещью. У него были булавки, а булавки были булавками, а булавки были тем, что удерживало бумагу, а бумага была бумагой, а бумага была фотографией, а фотография была фотографией, а фотография была ребенком. Он повесил первую фотографию на стену, и на фотографии была девочка, и девочка была Леа, и Леа была девочкой, и девочке было четыре года. Он повесил на стену вторую фотографию, и на фотографии был мальчик, и мальчик был мальчиком, и мальчику было семь лет. И две фотографии были двумя фотографиями, и две фотографии были детьми, и дети были детьми, и дети ушли. И веревка была веревкой, а веревка была линией, и линия была линией между двумя, и два были двумя, и две были вещью, и вещь была тем, что говорило: *линия — это линия, а линия — это

образец, и образец — это образец, а образец — это вещь*.

Дюваль стоял у стены. Стена была стеной, а стена была вещью. Она посмотрела на две фотографии, и эти две фотографии были двумя фотографиями, и эти две фотографии были детьми. Она посмотрела на веревку, и веревка была веревкой, и веревка была линией, и линия была линией, а линия была вещью. Она сказала: *два — это не шаблон*. Ондо не ответил. Ондо посмотрел на стену. Стена была стеной. Он сказал: *образец — это образец, который грядет*, и пришествие было пришествием, и пришествие было третьим, и третье было третьим, и третье было дитя, и дитя было дитя, и дитя было вещью. Дюваль сказал: *образец — это образец, который есть два*, и два были двумя, и два были вещью, а вещь была той вещью, которая говорила: *два — это два, и два — это образец, и образец — это образец, а образец — это вещь*.

Она снова обратилась в больницу. Больница была больницей, и больница была Тимоне, и Тимоне был палатой, и палата была палатой, и палата была вещью. Она вошла в комнату, и комната была комнатой, и комната была кабинетом, и кабинет был кабинетом, и кабинет был вещью. У нее был файл, и файл был файлом, и файл был бумагой, и бумага была бумагой, которая держала мужчину, и мужчина был мужчиной, и мужчина был Софианом, и Софиан был мужчиной, и мужчина был физиотерапевтом, и физиотерапевт был мужчиной, а мужчина был вещью. Она прочитала досье, и досье было

досье, и в досье говорилось, что мужчина пришел в больницу, и прибытие было прибытием, и прибытие было годом, и год был годом, и год был одиннадцатью, и одиннадцать было одиннадцатью, и одиннадцать было тем. Она прочитала досье, и в досье говорилось, что у женщины были руки, и руки были руками, и руки были оправой, и оправа была оправой, а оправа была костью, и кость была костью, и кость была ребенком, и ребенок был ребенком, а ребенок был вещью.

Мужчина был мужчиной. Именно это и было сказано в файле. Мужчина был человеком, и мужчина был Софиан, и Софиан был человеком, и мужчина был человеком, который родился в Алжире, и Алжир был Алжиром, и Алжир был вещью, и вещь была той вещью, которой учила бабушка, и бабушка была бабушкой, и бабушка была вещью, которая не была вещью, и не-вещь была не-вещью, и не-вещь была аистом, а аист был аистом, и аист был бумагой, а бумага была бумагой, а бумага была аистом. Человек пришел в город, и город был городом, и город был водой, и вода была морем, и море было морем, и море было вещью. У этого человека была квартира, и квартира была квартирой, и квартира была комнатой, и комната была комнатой, и комната была светом, и свет был светом, и свет был цветом, и цвет был цветом моря, и море было морем, и море было вещью.

У Ондо был послужной список этого человека. Запись была записью, а запись была бумагой, а бумага была бумагой, на которой хранилась жизнь, и жизнь была жизнью, а жизнь

была вещью. В протоколе говорилось, что мужчина был мужчиной, а мужчина был тишиной, и тишина была тишиной, а тишина была тем. В протоколе говорилось, что у человека была работа, и работа была работой, и работа была физиотерапевтом, и физиотерапевт был физиотерапевтом, а физиотерапевт был руками, а руки были руками, а руки были вещью. В протоколе говорилось, что письмо было у мужчины, и письмо было письмом, и письмо было теплым письмом, и теплое письмо было теплым письмом, и теплое письмо было тем, что мужчина написал ребенку, и ребенок был ребенком, и ребенок был больным ребенком, и больной ребенок был больным ребенком, и больной ребенок был вещью. В протоколе говорилось, что у этого человека была кровь, и кровь была кровью, и кровь была отдачей, и отдача была отдачей, и отдача была тем. В записи говорилось, что этот человек был хорошим человеком, и хороший человек был хорошим человеком, и хороший человек был вещью, а вещь была вещью, в которой говорилось: *хороший человек - это хороший человек, и хороший человек - это человек, и человек - это мужчина, а человек - это вещь*.

Дюваль посмотрел на запись. Рекорд был рекордом, а рекорд был вещью. Она сказала: *этот человек хороший*. Ондо не ответил. Ондо посмотрел на стену. Стена была стеной, и стена была двумя фотографиями, и две фотографии были двумя детьми, и двое детей были двумя детьми, и двое детей ушли. Он сказал: *хороший человек — это хороший че-

ловек, и хороший человек — это человек, а человек — это человек, который является вещью*, и вещь была вещью, и вещь была образцом, и образец был образцом, а образец был вещью. Дюваль не ответил. Дюваль посмотрел на запись. Рекорд был рекордом. Человек был человеком, и человек был хорошим человеком, и хороший человек был хорошим человеком, и хороший человек был вещью, и вещь была той вещью, которая не была вещью, и не-вещь была не-вещью, и не-вещь была вещью.

Она положила пластинку на стол. Стол был столом, а стол был вещью. Она посмотрела на список, и список был списком, и список состоял из двух имен, и эти два имени были двумя детьми, и двое детей были двумя детьми, и двое детей исчезли. Она сказала: *мужчина — это мужчина, который является последним*, и последний был последним, и последний был час, и час был часом, и час был вещью. Она сказала: *мужчина - это мужчина, который есть руки*, и руки были руками, и руки были оправой, и оправа была оправой, и оправа была костью, и кость была костью, и кость была ребенком, и ребенок был ребенком, а ребенок был вещью. Она сказала: *мужчина — это человек, который является тишиной*, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и вещь была тем, что хранило город, и город был городом, и город был вещью.

У Ондо была веревка. Вережка была веревкой, и веревка была красной, и красная была красной, и красная была ве-

щью. Он прикрепил третью булавку к стене. Булавка была булавкой, а булавка была тем, что держало бумагу, и бумага была бумагой, и бумага была пустой, и пустая была пустой, и пустая была вещью. Пустота была третьей, и третья была третьей, и третья была ребенком, и ребенок был ребенком, и ребенок был вещью. И веревка была веревкой, и веревка была линией, и линия была линией между двумя и пустым, и два и пустое были тремя, и три было тремя, и три было узором, и узор был узором, а узор был вещью.

Свет был светом. Свет был днем, а день был днем, и день был главным. Дюваль закрыл рекорд, и рекорд был рекордом, а рекорд был вещью. Она сказала: *образец есть образец*. Ондо посмотрел на стену. Стена была стеной, и стена была тремя, и три было тремя, и тройка была узором, и узор был узором, а узор был вещью. Он сказал: *третий есть третий*, и третий был третьим, и третий был ребенком, и ребенок был ребенком, и ребенок был вещью. И вещь была вещью, и вещь была образцом, и образец был образцом, и образец был вещью, и вещь была вещью, которая говорила: *человек есть человек, и человек есть человек, и человек есть вещь*, и человек был человеком, и человек был вещью, и вещь была вещью.

Мужчина был мужчиной. У этого человека был день, и день был днем, и день был тем. Он пришел в больницу в шесть, и шесть было шестью, и шесть было утром, и утро было утром, и утро было светом. Он надел белое пальто, и бе-

лое пальто было белым пальто, и белое пальто было вещью. Он надел белые туфли, и белые туфли были белыми туфлями, и белые туфли были вещью. Он пошел в палату, и палата была палатой, и палата была детьми, и дети были детьми, а дети были всем. Он улыбнулся медсестре, и медсестра была медсестрой, и медсестра была женщиной, и женщина была женщиной, а женщина была вещью. Медсестра сказала: «Доброе утро, месье», и поговорка была поговоркой, а поговорка была делом. Он сказал: «доброе утро», и поговорка была поговоркой, а поговорка была делом. И этот человек был человеком, и этот человек был хорошим человеком, и хороший человек был хорошим человеком, и хороший человек был вещью.

Этот человек был человеком, который не знал. Незнание было незнанием, и в незнании была вся суть. Он не знал женщину за столом, и женщина была женщиной, и женщина была судьей, и судья был судьей, и судья был вещью. Он не знал человека у окна, и этот мужчина был мужчиной, и мужчина был детективом, и детектив был детективом, и детектив был вещью. Он не знал стены, и стена была стеной, и стеной были две фотографии, и две фотографии были двумя детьми, и двое детей были двумя детьми, и двое детей ушли. И незнание было незнанием, и незнание было тем, и дело было тем, что говорило: *человек есть человек, и человек есть человек, а человек есть вещь*, и человек был человеком, и человек был вещью.

Офис был офисом, и офис был тишиной, и тишина была тишиной, и тишина была главным. Дюваль посмотрел на имя, и имя было именем, и имя было Софиан, и Софиан был человеком, и мужчина был человеком, а мужчина был вещью. Она сказала: *мужчина есть мужчина*. Ондо не ответил. Ондо посмотрел на стену. Стена была стеной, и стена была тремя, и три было тремя, и тройка была узором, и узор был узором, а узор был вещью. Море было морем, и море было вещью, и море хранило вещь, и охрана была охраной, и охрана была вещью. И вещь была вещью, и вещь была закономерностью, и закономерность была закономерностью, и закономерность была вещью, и вещь была вещью.

ГЛАВА VIII

Тачки и Стинг

Мужчина был мужчиной, и у этого человека были три машины. В этом-то и дело. Софиан наблюдал за этим человеком неделю, и неделя была неделей, неделя была семью днями, а семь дней были семью днями, а семь дней были сутью. Пропасьт была пропасьтю, и пропасьт была пропасьтю, на которую никто не смотрел, и несмотрение было несмотрением, и несмотрение было сутью. Мужчина был мужчиной, и мужчина был украинцем, и украинец был украинцем, и украинец был мужчиной, и мужчина был человеком, у которого было три машины, и три машины были тремя машинами, и три машины были вещью.

Первым был «Порше», и «Порше» был «Кайеном», и «Кайен» был «Кайеном», и «Кайен» был машиной, и машина была машиной, а машина была вещью. Тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была тюрьмой, и существо было существом, а существо было вещью. Третьим был Форд, и Форд был Рейнджером, и Рейнджер был Рэптором, а Рэптор был Рэптором, и Рэптор был машиной, и машина была машиной, а машина была вещью. И три машины были тремя машинами, и три машины были вещью, и вещь была вещью, которая была деньгами, и деньги были деньгами, и деньги были вещью, и вещь

была вещью, которая была пятнадцатью миллионами, и пятнадцать миллионов были пятнадцатью миллионами, и пятнадцать миллионов были батом, и бат был батом, и бат был вещью.

Он посмотрел на этого человека, и мужчина был человеком, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью. Мужчина оставался мужчиной, и остаться было остаться, и остаться было главное. Этот человек был человеком, который приехал в город, и город был городом, и город был Бангкоком, и Бангкок был Бангкоком, и Бангкок был вещью. Машина была машиной, машина была машиной, существо было существом, а существо было вещью. Там была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и тай был тай, и тай был вещью. Мужчина был человеком, который был человеком, и мужчина был человеком, и мужчина был вещью, и вещь была вещью, которая говорила: *человек есть мужчина, и мужчина есть мужчина, а человек есть вещь*.

У Софиана был план. Был план, и план был планом, и план был вещью. План был планом, и план был планом, и существо было существом, а существо было вещью. Там была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и лодка была лодкой, и лодка была вещью. План был тем, во что человек не поверил, и неверие было неверием, а неверие было тем. У Софиана был мужчина, и мужчина был мужчиной, и мужчина был украинцем, и украинец был украинцем, и украинец был мужчиной, и мужчина был мужчиной, а муж-

чина был вещью.

Она смотрела на море, и море было морем, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью. Вещь оставалась вещью, и пребывание оставалось, и пребывание было вещью. Мужчина сидел за столом, а стол был столом, и стол был вещью, а вещь была кофе, и кофе был кофе, и кофе был вещью. Софиан сидел за столом, а стол был столом, а стол был вещью. Он сказал: *человек есть человек*, и высказывание было высказыванием, а высказывание было делом. Мужчина сказал: «Мужчина есть человек», и высказывание было высказыванием, а высказывание было делом. И двое были двумя, и двое были мужчинами, и мужчины были мужчинами, и мужчины были вещью.

Тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была тюрьмой, и существо было существом, а существо было вещью. Там была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и тай был тай, и тай был вещью. Он сказал: *человек — это человек, который есть человек*, и высказывание было высказыванием, а высказывание было делом. Он сказал: *человек — это человек, у которого есть вещь*, и вещь была вещью, а вещь была машиной, и машина была машиной, а машина была вещью. Он сказал: *вещь есть вещь, которая есть вещь*, и вещь была вещью, и вещь была батом, и бат был батом, и бат был вещью. Он сказал: *человек — это человек, который есть вещь*, и вещь была вещью, а вещь была тюрьмой, и тюрьма была тюрьмой, а тюрьма была вещью. Муж-

чина был мужчиной, и мужчина не двигался, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была сутью. Пропась была пропастью, и пропасть не менялась, а неизменность была неизменностью, и неизменность была сутью. Мужчина сказал: «Мужчина есть человек», и высказывание было высказыванием, а высказывание было делом.

У Софиана была такая история. Она не двигалась, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была тем, и тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была вещью. Сказка была сказкой, и сказка не менялась, а неизменность оставалась неизменной, а неизменность заключалась в том. Была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была вещью. Он смотрел на вещь, и вещь была вещью, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью. Он сказал: *человек есть человек, который есть человек*, и мужчина был человеком, и мужчина был человеком, и мужчина был вещью. Он сказал: *мужчина — это человек, у которого есть машина*, и машина была машиной, а машина была вещью. Он сказал: *человек — это человек, который есть вещь*, и вещь была вещью, и вещь была человеком, и человек был человеком, и человек был вещью. И сказка была сказкой, и сказка была вещью, а вещь была тем, что говорило: *человек есть мужчина, и мужчина есть мужчина, а человек есть вещь*.

Мужчина был мужчиной, и мужчина был человеком, на которого никто не смотрел, и несмотрение было несмотрением.

ем, и несмотрение было тем. Машина была машиной, и машина не менялась, а неизменность оставалась неизменной, а неизменность была в этом вся суть. Там была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и мужчина был машиной, и мужчина был вещью. Свет упал на человека, и человек был человеком, и свет был светом, и свет был вещью. Мужчина был человеком, который покинет город, и уход был уходом, и уход был главным. И уход был уходом, и уход был вещью, и вещью было то, что говорило: *мужчина есть мужчина, и мужчина есть мужчина, а мужчина есть вещь*.

Тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была вещью. У Софиана была история, и история была вещью, и история была человеком, который знал этого человека, человеком, у которого было имя, и имя было именем, а имя было вещью. Вещь была вещью, и вещь не двигалась, и неподвижность была неподвижностью, а недвижимость была вещью. Вещь была вещью, и вещь была вещью, и существо было существом, и существо было вещью. Свет падал на вещь, и вещь была вещью, и свет был светом, и свет был вещью.

Мужчина был машиной, и мужчина был человеком, на которого никто не смотрел, и несмотрение было несмотрением, и несмотрение было тем. Мужчина был машиной, мужчина был машиной, а мужчина был вещью. Машина была машиной, машина была машиной, а машина была вещью. Мужчина посмотрел на Софиана, и взгляд был взглядом, и

взгляд был вещью, и взгляд был тем, что не знало вещи, и незнание было незнанием, и незнание было вещью. Она не двигалась, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была вещью, и деньги были деньгами, а деньги были вещью.

Тайец был тайцем, и тайец не менялся, а неизменность оставалась неизменной, и в неизменности заключалась вся суть. Уход был уходом, а уход был уходом, и уход был главным. Там была тишина, и тишина была тишиной, и тишина была вещью, и мужчина был мужчиной, и мужчина был вещью. Тюрьма была тюрьмой, и тюрьма не менялась, а неизменность оставалась неизменной, и неизменность была в этом вся суть. Мужчина был мужчиной, мужчина был мужчиной, а мужчина был вещью. Мужчина был человеком, и человек ушел, и ушел, и ушел, и ушел тот, который не был вещью, и не вещь была не вещью, и не вещь была вещью, и вещь была тем, что сказало: *человек ушел, и человек ушел, и человек ушел*.

Деньги были деньгами, а деньги были деньгами, которых не достигал свет, и недостижение было недостижением, а недостижение было сутью. Человек ушел, и ушел, и ушел, и исчезла вещь, и вещь была вещью, которую оставил человек, и уход был уходом, и уходом были машины, и машины были машинами, и машины были вещью. У Софиана был ключ этого человека, и ключ был ключом, и ключ был вещью, ключом, который был в кармане сумки, и карман был карманом,

и карман был вещью, и сумка была сумкой, и сумка была вещью, которую мужчина оставил за столом, и уход был уходом, и оставление было сумкой, а сумка была вещью. Машина была машиной, а машина была Кайеном, и Кайен был Кайеном, и Кайен был машиной, и машина была машиной, а машина была вещью. Тайец был тайцем, и тайец не двигался, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была в этом вся суть. Машина была машиной, и машина была Рэптором, и Рэптор был Рэптором, и Рэптор был машиной, и машина была машиной, а машина была вещью. И три машины были тремя машинами, а три машины были тремя машинами, и три машины были вещью, и вещь была вещью, а вещь были деньги.

У Софиана был человек, который взял бы машину. Был мужчина, и мужчина был мужчиной, и мужчина был вещью. Мужчина не задавал вопрос, и не спрашивать было не спрашивать, а не спрашивать было сутью, потому что мужчина был человеком, у которого была машина, а машина была машиной, а машина была машиной с ключом, и ключ был ключом, а ключ был вещью, и мужчина был человеком, который возьмет машину, и взятие было взятием, а взятие было вещью. У Софиана были деньги, и деньги были деньгами, и деньги были батом, и бат был батом, и бат был вещью, и бат был пятнадцатую миллионами, и пятнадцать миллионов были пятнадцатую миллионами, и пятнадцать миллионов были вещью, и вещь была вещью. Вещь была вещью, и вещь была

вещью, на которую никто не смотрел, и несмотрение было несмотрением, и несмотрение было вещью.

Она не двигалась, и неподвижность была неподвижностью, и неподвижность была тем, и тюрьма была тюрьмой, и тюрьма была вещью. Он не сказал этого, и невысказывание было невысказанием, и невысказывание было делом, и дело было делом, и дело было делом. Мужчина был человеком, а мужчина был человеком, у которого был билет, и билет был билетом, и билет был полетом, и полет был полетом, и полет был вещью. Софиан подошел к этому человеку, и дело было в движении, и дело было в том. Вещь была вещью, и вещь не менялась, и неизменность оставалась неизменной, а неизменность была вещью. Он сказал: *человек есть человек*, и высказывание было высказыванием, а высказывание было делом. Он сказал: *машина — это подарок*, и подарок был подарком, а подарок был вещью. Он сказал: *человек есть человек, и человек есть человек, а дар есть дар*, и высказывание было высказыванием, и высказывание было делом. Это был мужчина, и мужчина был человеком, и мужчина был тем, что было человеком, и мужчина был тем. Мужчина посмотрел на Софиана, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью, и мужчина был человеком, который не поверил подарку, и неверие было неверием, и неверие было вещью, и вещь была вещью, и вещь была тем, что говорило: *подарок - это подарок, и подарок - это подарок, а подарок - это вещь*.

Софиан был мужчиной, а мужчина был вещью. Тюрьма

была тюрьмой, и тюрьма была тюрьмой, и существо было существом, а существо было вещью. Была машина, машина была машиной, а машина была вещью. Дело было в деле, и дело было в деле, и дело было в деле. Вещь была вещью, и вещь была вещью, и существо было существом, и существо было вещью. Мужчина был мужчиной, у которого не было ребенка, и неимение было неимущим, и неимение было вещью, а вещь была вещью, которая говорила: *мужчина - это мужчина, а мужчина - это мужчина, и мужчина - это вещь, и вещь - это вещь, и вещь - это потребность, и потребность - это потребность, а потребность - это вещь*.

У Софиана было это место. Деньги были деньгами, а деньги были деньгами, на которые никто не смотрел, и не смотреть было не смотреть, а не смотреть было главное. Это было место, и место было местом, и место было тем, что было местом, и место было тем. Место было местом, и место не двигалось, и неподвижность была неподвижностью, а неподвижность была вещью. Место было местом, и место не менялось, и неизменность оставалась неизменной, и неизменность была сутью. Свет падал на море, и море было морем, и свет был светом, и свет был вещью. Он смотрел на вещь, и вещь была вещью, и взгляд был взглядом, и взгляд был вещью. Тайский был тайским, и тайский был тайским, и существо было существом, и существо было вещью. Мужчина был мужчиной, и мужчина не менялся, и неизменность оставалась неизменной, и в неизменности заключалась вся суть.

ГЛАВА IX

Залив, Первый свет

Софиан стоял у воды, и вода была водой, а вода была заливом, а залив был заливом, и залив был морем, и море было морем, а море было вещью. Свет был светом, и свет был первым светом, и первый свет был первым светом, и первый свет был тем, что пришло над водой, и пришествие было пришествием, и пришествие было часом, и час был часом, и час был утром, и утро было утром, и утро было тем. Он пришел в то место, и место было местом, и местом был Хуа Хин, и Хуа Хин был городом, и город был городом, и город был вещью, и вещь была вещью, и вещь была местом, где море хранило вещь, и море хранило вещь, и море хранило вещь.

Город был городом, а город был вещью. Город был городом на берегу Залива, а Залив был Заливом, Залив был морем, а море было морем, а море было вещью. Город был курортом, а курорт был курортом, и курорт был пляжем, и пляж был пляжем, и пляж был песком, и песок был песком, и песок был всем. Софиан гулял по пляжу, и прогулка была прогулкой, а прогулка была самым главным. Пляж был пляжем, а пляж был утром, и утро было утром, и утро было светом, и свет был светом, и свет был вещью. Он ходил по пляжу, как мужчина ходит по пляжу, с рукой в кармане, и

рука была рукой, и рука была вещью, и карман был карманом, и карман был вещью, и вещь была вещью. У него были деньги, и деньги были деньгами, и деньги были батом, и бат был батом, и бат был вещью, а деньги были вещью, которая вышла из машины, и машина была машиной, и машина была тройкой, и тройка была тройкой, а тройка была вещью. У него было имя, и имя было именем, и имя было Софиан, и Софиан был Софиан, и Софиан был вещью, и имя было французским именем, и французское имя было французским именем, и французское имя было паспортом, и паспорт был паспортом, а паспорт был вещью.

Мыс был мысом, а мыс был вещью. Мыс был мысом со стороны Залива, а сторона Залива была стороной Залива, а сторона Залива была водой, и вода была водой, а вода была вещью. У Софиана было место на мысе, и место было местом, и место было комплексом, и комплекс был комплексом, и комплекс был стенами, и стены были стенами, и стены были вещью, и вещь была вещью. Комплекс был комплексом за мысом, и позади была задняя часть, и задняя часть была вещью, и вещь была тем, что море было морем, и море было морем, а море было тем. У него был дом, и дом был домом, и дом был вещью, и дом был комнатой, и комната была комнатой, и комната была вещью. У него был сад, и сад был садом, и сад был пальмой, и пальма была пальмой, и пальма была листом, и лист был листом, а лист был вещью. Он гулял по саду, и прогулка была прогулкой, и прогулка была самым

главным. Свет был светом, и свет был светом, и свет был листом, и лист был листом, а лист был вещью.

Соединение было соединением, а соединение было вещью. Комплекс был домом, а дом был домом, дом был комнатой, комната была комнатой, а комната была вещью. У Софиана была комната, и комната была комнатой, и комната была кабинетом, и кабинет был кабинетом, и кабинет был полкой, а полка была полкой, а полка была книгой, и книга была книгой, а книга была вещью. Книга была книгой, и книга была книгой руки, и рука была рукой, и рука была костью, и кость была костью, а кость была вещью. Он положил руку на книгу, и рука была той рукой, и рука была вещью, и рука была той рукой, которая поставила руку, и обстановка была обстановкой, и установка была вещью. У него была бухгалтерская книга, и бухгалтерская книга была бухгалтерской книгой, и бухгалтерская книга была книгой, и книга была книгой, и книга была вещью, и книга была книгой, в которой хранилось имя, и имя было именем, и имя было ребенком, и ребенок был ребенком, и ребенок был вещью. Бухгалтерская книга была бухгалтерской книгой, а бухгалтерская книга была вещью, а вещь была вещью, и вещь была тем, что у него было, и то, что было, было тем, что было, и то, что было, было вещью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.